

Институт Философии РАН

Мероприятия по подготовке к Дню философии (ноябрь 2017 г.) по теме:

«РЕВОЛЮЦИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР» ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Круглый стол: «ОСНОВАНИЯ, СМЫСЛЫ, СПОСОБЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ РОССИИ В XXI СТОЛЕТИИ»

Модераторы: Л.А.Беляева, Н.И.Лапин
(Этап 1. 6 апреля 2017 г.)

Социокультурный эволюционизм.

Модернизация как способ эволюции современной России (Размышления в связи с выходом в свет «Атласа модернизации в России и ее регионах»¹)

Ключевые слова: несчастья людей, культурные и социальные потрясения 100 лет назад и теперь, уроки для России и человечества (1917, 1991, 2017 гг.), уроки для социально-гуманитарных наук; универсальный и социокультурный эволюционизм; сложность социокультурных объектов и способов их саморазвития; социальное пространство и время; экзистенциальный опыт и культура; институты и люди; ценности и социальные практики; понимание и взаимопонимание; интегрированная модернизация и неомодернизация; социальное государство, его формирование и роль в модернизации.

Формат первого этапа Круглого стола

ЦИСИ планирует 2 этапа круглого стола: сегодня и в октябре; между ними – онлайн-дискуссия. Сегодня – первый этап. Это не презентация «Атласа», а *размышления о смысле его материалов в контексте проблемы социокультурной эволюции России в XXI столетии*. Участвуют авторы и не авторы, но заинтересованные в уяснении проблемы. Участие не только очное, но и заочное – представление материалов по электронной почте.

Начнем с сообщений *членов редколлегии «Атласа»* - сотрудников Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН: после вступительного слова выступят Л.А. Беляева, Н.А. Касавина и Н.И. Лапин. Затем выступят все желающие. А те, кто не смог принять участие лично, пришлют свои сообщения по электронной почте, они также будут включены в настоящий сайт и станут началом нашей онлайн-дискуссии.

Н.И. Лапин, руководитель ЦИСИ, чл.-корр. РАН.

Вступительное слово: о социокультурной эволюции и модернизации (Тезисы)

1. Несчастья людей, уроки для России и человечества, 100 лет назад и сейчас.

- Сто лет назад происходила драматичная смена одного мирохозяйственного уклада другим, одних мировых лидеров другими, разразились - мировая война, несколько революций, гражданских войн, в России и в других странах. Их по-разному воспринимали победители и побежденные, с гордостью или унижением, вошли в «моду» самоубийства. Экзистенциальный опыт миллионов людей оказался запутанным.

¹ Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство «Весь Мир», 2016. 360 с. См. первый отклик в прессе: А. Ваганов. Философия в пространстве социологии // Независимая газета. 22 марта 2017 г. НГ-НАУКА, С. 15.

- Спустя 70-100 лет происходит новая, остро конкурентная смена мирохозяйственных укладов и их лидеров, новый кризис человеческой цивилизации, постмодернистская утрата ее базовых ценностей. Рухнул СССР и весь «второй мир», он оказался в транзитном состоянии. Спутан экзистенциальный опыт миллиардов людей.

- Трансформация российского общества застряла на полпути. И сейчас мы имеем *двойные угрозы* – внутренние и внешние. Начало постиндустриальной, информационной модернизации происходит на фоне деградации индустриальной ее стадии, при отсутствии человеческих и институциональных интеграторов этих стадий. Преступность четверть века остается опасностью № 1, стали массовыми бытовые, «деловые» убийства людей и самоубийства, которые распространились на подростков и детей.

- Главный урок для населения России и для всего человечества – научиться благополучно жить и *развиваться без революций*, которые сопровождаются гражданскими войнами и несчастьями для широких масс населения. В начале 1917 г. в России была такая возможность, однако она не была реализована. В 1990-е годы трансформация началась тоже с человеческими жертвами, хотя в целом – эволюционно. Но оказался спутан теоретико-методологический потенциал наук об обществе и человеке, утрачены идеи прогресса, развития. Остается неосмысленным различие между способами *функционирования (производства-воспроизводства товаров, услуг)* и способами их *саморазвития*.

- **Новые угрозы** существованию человека и человечества в XXI столетии требуют новых социальных технологий - технологий саморазвития России и других стран, соответственно потенциалу и ценностям их населения. Такая историческая задача стоит перед социальными философами и обществоведами. Цель круглого стола – прояснить эту задачу, предложить варианты способов решения, прежде всего – для России.

- Это задача мировоззренческого характера. Она входит в круг проблем, относящихся к научной картине мира.

2. *Социокультурный эволюционизм как конкретизация универсального эволюционизма*

Научная картина мира пережила несколько этапов формирования и развития. Она эволюционировала от интуитивно постигаемых нерасчлененных целостностей, через простые, механистические решения, к синергетическим, все глубже проникающим в сложности мироздания – от человека к космосу и их взаимосвязи, от констант первичных структур (звезды, атомы, стихии), к универсалиям структуры и динамики (движение звезд и галактик, законы гравитации, скорость света, теория относительности, принцип дополнительности), в наше время - к *универсальному эволюционизму*, который стал фундаментальной парадигмой научной картины мира (Н.Н. Моисеев, В.С. Степин).

- Эта парадигма распространяет идеи эволюции на все структуры мироздания: физические, химические, биологические, экологические, социально-культурные. При этом учитывает, что каждая структура имеет свои источники и способы изменений, включая переходы в новое качественное состояние, кризисы, катастрофы, и одновременно исследует механизмы саморазвития структур, способы саморазрешения их кризисов.

- Социокультурные объекты обладают особой, синергичной сложностью. Ее суть составляет *взаимопроникновение* базовых компонент объекта, генетически паритетных между собой. Чтобы учесть сложность человеческих сообществ, при конкретизации универсального эволюционизма для изучения человека и его сообществ необходим синтез классического социокультурного подхода (М. Вебер, П. Сорокин, П. Штомпка, Дж. Александер) и его современной, деятельностной интерпретации человека.

- Человечество, его цивилизации, общества и иные структуры образуют люди. Род *homo sapiens* возник в определенном природном пространстве и времени - на Земле, после появления ее биосферы, как специфический вид животных, организм которых обладает способностью одновременно познавать (себя и окружающий мир) и действовать, изменяя мир и самого себя. Человек воплощает в себе три паритетные по генезису и

противоречивые по содержанию компоненты-ипостаси – биологическую, культурную, социальную. Однако, эти три ипостаси не просто взаимосвязаны как внешние по отношению друг к другу: каждая взаимопроникает каждую, образуя синергичную целостность. Человек - это био- социо- культурное существо, а совокупности людей – антропо-эко-социо-культурные сообщества. В свою очередь, они воплощают взаимопроникновение трех паритетных компонент – человека (людей), его культуры и социальности (совокупности взаимоотношений между людьми). Вместе с тем, поскольку человек – это и биологическое существо, то общество латентно включает в себя и природный компонент; и вообще оно не может существовать без природы, а теперь уже и без «второй природы», созданной самим человеком и входящей в понятие экологии в широком смысле, или инвайронмента. Строго говоря, общество – это антропо-эко-социо-культурное образование, а подход к исследованию динамики социокультурного пространства и времени следует рассматривать как антропо-эко-социокультурный эволюционизм. Для краткости будем говорить - *социокультурный эволюционизм* как специфическая предметная область или форма универсального эволюционизма.

- Вместе с тем, это весьма широкая область. После ослабления позиций монистически-материалистического понимания истории социокультурный эволюционизм становится методологическим мейнстримом не только общей социологии, но и современной социальной философии, повышает ее прикладной эвристический потенциал. Социокультурный эволюционизм ориентирует на конструирование будущих состояний существующих социокультурных объектов, в философии ему близка новая программа конструктивного реализма (В.А. Лекторский).

- Отмечу эвристические принципы социокультурного подхода. Ключевым принципом служит понимание, что сущность человека как личности не полностью соответствует содержанию того общества, в котором живет данный человек – в чем-то меньше, а в чем-то больше этого содержания как совокупности общественных отношений. Это противоречие - фундаментальный источник саморазвития человека и общества. Социокультурный подход признает также плюральную относительность роли разных факторов в саморазвитии разных сообществ – один и тот же фактор может быть и причиной, и следствием. Данный подход также требует использовать весь арсенал методов получения эмпирических данных и осуществлять комплексный, системный их анализ. Социокультурный подход получил в представленном «Атласе модернизации России и ее регионов» характер пространственного сопоставления результатов, которое помогло пониманию изучаемых объектов.

3. Модернизация - способ избежать революции

- Универсальный эволюционизм ориентирует: эволюция существует благодаря механизмам саморазвития, а сложность способов успешного саморазвития объектов должна быть не ниже сложности самих объектов. Социокультурный эволюционизм уточняет: механизмы саморазвития общества воплощаются в его интеграторах – институтах и процессах, которые осуществляют инновационные личности; они ориентируются на ценности и традиции большинства населения и обеспечивают понимание гражданами смыслов модернизации и взаимопонимание между основными социокультурными *актерами*. Для появления таких интеграторов саморазвития необходимо укреплять гражданское общество: не снижать уровень и качество жизни менее обеспеченных слоев населения, одновременно улучшать другие социальные и культурные условия жизни всего населения, прежде всего качество массового образования и возможности участия граждан в управлении государством. Для начала необходимо реализовать в социальной политике минимакс-стратегию: минимизировать беды населения и максимизировать число людей, имеющих блага для достойной жизни (К. Поппер, Ф. Бородкин).

- Важнейшей областью применения методологии социокультурного эволюционизма является модернизация - комплексное изменение структур общества и их

функций, эволюционная трансформация общества из одного качественного состояния в другое. Соответственно разнообразию цивилизаций и обществ (стран, государств), имеется огромное разнообразие способов их модернизации. Ее процессы могут совершаться снизу, быть спонтанными, естественно-историческими, органичными; но они могут происходить по инициативе правящих элит, как догоняющие другие страны, путем мобилизации населения; они могут также осуществляться путем сочетания спонтанности «снизу» и целенаправленности «сверху». Так или иначе, модернизация представляет собой результат действия множеств людей, направленных на удовлетворение их потребностей в улучшении условий жизни и способов деятельности. Охватывая большинство людей, идентифицирующих себя с определенной цивилизацией, этот процесс приобретает характер глубоких цивилизационных изменений.

- В настоящее время в России, как и в большинстве среднеразвитых стран, *одновременно* осуществляются две стадии модернизации: преодолевается хаотичная деиндустриализация 90-х годов и завершается *индустриальная стадия*; вместе с тем, началось движение к *постиндустриальной, информационной стадии* развития экономики, общества. Имеются взаимодействия между процессами этих стадий. Желательна координация их динамики для получения более успешных результатов – повышения качества жизни населения и его безопасности. Координируемая взаимосвязь двух стадий получила название *интегрированной модернизации* (Чуаньци Хэ, АН Китая).

- Какие способы саморазвития каждой стадии модернизации и их взаимосвязей более эффективны, успешны в условиях современной России? Поиск таких способов и обоснование их успешности стали прикладными задачами авторов «Атласа». А это – около 20 специалистов из разных регионов страны. Они работают в ведущих институтах и университетах своих регионов и имеют опыт проведения и анализа результатов всероссийских и региональных исследований процессов модернизации, на основе методологии социокультурной компаративистики. Авторы пришли к двуединому, в общем виде, ответу на вопрос о способах модернизации в России: с одной стороны, необходимы свободные инициативы снизу, от регионов, опирающиеся на ресурсы регионов и на результаты научных исследований и получающие административную и иную поддержку сверху, от федеральных властей; в то же время, необходимы мегапроекты, иницируемые сверху и обеспечиваемые федеральными властями при поддержке соответствующих регионов.

- Я обозначил лишь некоторые аспекты методологии социокультурного эволюционизма. Они и другие ее аспекты требуют специальной разработки. Предлагаю обсуждать их в связи с конкретными *проблемами модернизации*, представленными в «Атласе».

Л.А. Беляева, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, ЦИСИ Института философии РАН.

Мне бы хотелось обратить внимание на некоторые проблемы развития нашего общества, для решения которых, мне кажется, единственно приемлемым является осуществление модернизации в стране. Это такие проблемы, которые я рассматриваю как внутренние вызовы для общества. Отличие вызовов от проблем заключается, на мой взгляд, в тех характеристиках вызовов, которые дал А. Дж. Тойнби: «вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию»².

² Тойнби А.Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. Сост. А.П. Огурцов; Вступ.ст. В.И. Уколовой. - М.: Прогресс. Культура, 1996. - 607 с. - (Историческая б-ка). - Пер. изд.: Toynbee A.J. A study of history, 1934-1961. С. 118-119.

В длинном списке таких вызовов есть такие, которые непосредственно касаются жизнедеятельности людей, сбережения народонаселения, реализации и накопления человеческого и культурного капитала, состояния социального капитала, в том числе доверия между людьми, доверия к организациям, к органам власти, общественным организациям. За теми рассуждениями об этапах, стадиях, тактиках модернизации не нужно забывать, что страна населена людьми, которые живут по-разному в разных регионах. Поэтому мое внимание неизменно обращается к социальному пространству. Если взглянуть на Россию как единое социальное пространство в том смысле, которое вкладывает в это понятие Пьер Бурдьё, то можно создать многомерную картину социального устройства общества и выявить болевые точки, напряженности и риски общественного развития. В интерпретации П. Бурдьё социальное пространство представляет собой взаимосвязь позиций индивидов в многомерном измерении. Он считал, что социальное пространство – это пространство отношений, «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине». Как определенно высказался Э. Гидденс, «пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций участия в становлении систем взаимодействия». Можно сформулировать следующее определение *социального пространства*, которое *в отличие от физического, географического пространства представляет собой метафорическое пространство, в котором представлены статусы социальных акторов, занимающих в нем определенные социальные позиции и взаимодействующих на основе предписаний (законов), обычаев, интересов, ценностей, моральных установлений. Социальное пространство – это динамическое состояние общества, характеризующееся, с одной стороны автономностью акторов, а с другой стороны, их взаимодействием, которое может базироваться на разных уровнях взаимного доверия и солидарности вплоть до ощущения онтологической опасности.* Такой подход может быть использован и по отношению ко всему обществу, и к отдельным регионам, территориям, городам, сельским поселениям и другим «местам». Использование конструкта «социальное пространство» требует определить те реальности, которые его наполняют. Если использовать этот ракурс рассмотрения социального пространства, можно отметить несколько существенных «разломов» российского социального пространства. Отмечу два из них. Во-первых, это то, что называется **«избыточное неравенство»**, оказывающее отрицательное воздействие на развитие страны. Этот «разлом» проходит через большинство регионов и по стране в целом. Трудно переоценить социальные, психологические, политические, нравственные потери, сопутствующие такому разлому.

Во-вторых, «разлом» единого социального пространства по территориальному и административно-региональному вектору. Этот разлом фиксируется в тех состояниях модернизованности регионов, о которых сказано в книге «Атлас развития России и ее регионов», в тех социологических показателях качества жизни населения и удовлетворенности жизнью, в показателях демографических – их состоянии и динамики, в показателях качества человеческого капитала и капитала социального и т.д. Эти вопросы подробно были обсуждены в предыдущей книге Центра по регионам, вышедшей в 2013 г. - «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» (сост. и общая ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: 2013).

С учетом сказанного я вижу важную научную и практическую задачу в том, чтобы попытаться эмпирически измерять напряженности социального пространства, разработать для этого необходимую методологию и методику. Эта напряженность не сводится к политической напряженности (последняя как раз отражает степень социального напряжения в обществе, питается этим напряжением), а существует и постоянно воспроизводится в системе взаимоотношений социальных акторов.

Задачи модернизации стран второго эшелона развития возникают, как правило, а в истории России систематически, как реакция на вызов Запада, (а теперь и Востока), реакция на внешние угрозы и обстоятельства конкуренции в эффективности развития. Они играют обычно для элит более важную роль, чем внутренние вызовы, и побуждают их к социально-экономическим и политическим преобразованиям. Вместе с тем существуют внутренние вызовы, те главные проблемы, которые должна решить модернизация и от решения которых зависит ее успешность. Ответ на внутренние вызовы не может быть скоропалительным и исключает, по моему мнению, то, что называют *модернизационным прорывом*, а наоборот он требует систематической последовательной работы по созданию условий и стимулов развертывания процесса модернизации.

В представленной монографии предпринят анализ внутренних вызовов, стоящих перед Россией. При этом нужно ли говорить, что это только несколько вызовов в ряду десятков других, но они мне представляются критически важными для развития страны.

Во-первых, это вызовы, рождаемые природной средой и наличной территорией страны; во-вторых, вызовы, определяемые количеством и качеством человеческого капитала в России; в-третьих, вызовы, исходящие из состояния социальной стратификации и социального капитала общества. Не имея возможности на всех этих вызовах остановиться более-менее подробно, мне хотелось бы обсудить один из них: чем является пространство и природные ресурсы России - препятствием или стимулом модернизации? Это спорный вопрос, который до конца еще не исчерпан, от него отгородились даже большинство социальных географов, предпочитая заниматься, по сути, социологией. Мне бы хотелось призвать в свои сторонники французского ученого Фернана Броделя, который в книге «Что такое Франция?», обращает внимание на то, что облик этой страны определяет не только история и человек, но земля, природа, среда, а они как раз составляют пространственно-географический контекст, пространственное измерение *возможностей* развития страны. А сам человек изначально включен в целый ряд причинно-следственных связей с пространством, хотя он чаще всего этого и не сознает.

Модернизация российского общества требует всемерного учета его пространственных характеристик. Россия одна из «больших стран», в которых пространство обуславливает многие процессы экономического и социокультурного развития. Внутреннее устройство страны, административное деление и соподчинение, внутренние и внешние коммуникации, самосознание граждан и их самоощущение масштабов и богатства территории, восприятие страны за рубежом и другие особенности внутреннего существования и внешнего взаимодействия зависят от пространственных характеристик.

Длительное время Россия расширяла и осваивала пространство, и это способствовало ее развитию. В массовом сознании эффективность государственных деятелей России традиционно соотносится с расширением территории. Но сегодня пространственное расширение уже не может так стимулировать развитие страны, как раньше, тем более в свете необходимости повышения уровня жизни населения здесь и сейчас. Во многих странах, достигших высоких экономических показателей и достойного уровня жизни населения, используются другие ресурсы развития, связанные с человеческим потенциалом и институциональной средой. И в России центр внимания должен переноситься на внутреннее состояние территорий. Сейчас стоят другие задачи в работе с имеющимся пространством – обустроить его для гармонического, сбалансированного развития и более комфортной жизни населения. Решение этой проблемы усложняется тем, что в стране недостаточно развита экономика, чтобы содержать такую большую территорию на необходимом уровне безопасности и благосостояния.

Большой размер страны оказывает как негативное, так и позитивное влияние на ее развитие. С одной стороны, протяженность территории дает значительные природные

ресурсы во всем их разнообразии, но с другой, богатство этих ресурсов рождает соблазн использовать данное природой физическое богатство в ущерб производству и наращиванию других - рукотворных видов богатств и нефизических ресурсов - человеческих, культурных, социальных. По данным исследования, проведенного Всемирным банком, в России природных богатств в расчете на душу населения в 2,2 раза больше, чем в США, в 5,2 раза больше, чем в Германии, в 3,4 раза больше, чем во Франции. Но существует значительное отставание от этих стран по созданному человеком богатству (предприятия, дороги, школы, больницы и т.д.), оно составляет более 5 раз. Еще больше разрыв в уровне нематериальных ресурсов общества, которые характеризуют уровень и качество образования, медицинской помощи, эффективность институтов, предназначенных для управления, предоставления государственных услуг и регулирования предпринимательской деятельности: он составляет 26 раз по сравнению с США, 20 раз с Францией, 18 раз с Германией.

Наличие и использование богатых природных ресурсов сыграло ключевую роль в восстановлении страны после кризиса 1990 годов. Россия смогла сократить бедность, развивать социальные программы, в стране увеличилась продолжительность жизни. Неравенство в доходах групп населения все еще слишком большое, но снизилось по сравнению с нестабильным периодом после распада СССР.

В России переключение с эксплуатации природных ресурсов на высокотехнологичные производства и информационные технологии – постоянно обсуждаемая проблема и поставленная руководством страны задача, но она не получает пока удовлетворительного решения. Есть ли способы развивать инновационные отрасли и при этом оставаться ресурсодобывающей страной? В других странах мира, также обладающих огромными природными ресурсами – Канаде, Австралии, Чили, Норвегии, смогли использовать доходы от них на развитие других секторов экономики, в том числе на развитие институтов и социальной сферы – здравоохранения, образования, а также частного предпринимательства. Эти страны, обладая большими запасами природных ресурсов, не стали, тем не менее, *ресурсозависимыми*, поскольку вклад в экономику других отраслей, в том числе наукоемких, не уступает добывающим отраслям.

Ресурсозависимость экономического развития, доминирование природного капитала, и получение дохода от него в виде ренты определяют интересы элитных групп населения, заинтересованных в эксплуатации этих ресурсов, присвоении активов и получении сверхдоходов при минимальном учете интересов значительной части населения. В стране растет бюрократическая прослойка, охранные структуры, обеспечивающие безопасность финансовых потоков, бюрократических и элитных групп. У населения формируется вынужденный патернализм, поскольку оно также зависит от перераспределения ренты.

Сравнительные исследования ресурсообеспеченных стран, в том числе и России, по уровню развития и качеству жизни населения показали важную тенденцию: более качественная институциональная среда в богатых природными ресурсами странах обеспечивает более высокие среднедушевые доходы, жизненный уровень и уровень социального развития³. Россия не отличается высоким качеством институциональной среды и поэтому проигрывает в качестве жизни населения.

Можно сказать, что Россия попала в своего рода институциональную ловушку – при большой территории и необходимости ее защиты и обустройства и сложившихся исторических традициях, длительное время существовал сильный институциональный каркас авторитарного типа. Сложился своего рода тандем «государство-собственность». В Гражданском Кодексе РСФСР от 11 июня 1964 г. в статьях 94 и 95 были определены только два вида собственности – социалистическая и личная. Социалистической собственностью являлись: государственная (общенародная) собственность; колхозно-кооперативная собственность; собственность профсоюзных и иных общественных

³ Казначеев П. Природная рента и экономический рост. М., 2013.

организаций. Объектами права государственной собственности являлись Земля, ее недра, воды и леса. Они состоят в исключительной собственности государства и предоставляются только в пользование.

Произошедшая в начале 90-х годов *десоциализация собственности* означала изменение социально-экономического строя в стране, ликвидацию монополии Коммунистической партии, начало капиталистических преобразований, переход от плановой к рыночной экономике. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции.

Сама экономическая реформа с самого своего начала напоминала напряженное противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны. В.В. Бибихин ярко запечатлел этот процесс: «В той войне за собственность, которая сейчас идет уже по всему пространству в важном смысле еще не бывшего Советского Союза, — она уже захватила всех так глубоко, до оснований человеческого существа, что гражданская война в виде открытого военного противостояния у нас невозможна, ей некуда вместиться, злости на нее уже не хватит, потому что ее не хватает людям на войну за собственность, — люди падают задолго до того, как бросятся друг на друга и незаметно для себя, в раннем начале погони упустив спросить, кто такие они сами, которые ее ведут»⁴. Но несколько этапов приватизации, начавшейся в 1992 г., не дали тех экономических и социальных эффектов, которые от нее ожидалось. А самое главное — существовавший ранее каркас авторитарного типа «власть-государственная собственность» был модифицирован в неоавторитарный каркас «власть-частная собственность». Ведущие предприятия нефте-газового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находившиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. Вариант приватизации через залоговые аукционы был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз», «Лукойл», а также РАО "Норильский никель" и некоторых других крупнейших предприятий⁵. На всех этапах приватизации отмечается активное участие криминальных группировок, использующих как «мягкие», так «жесткие» методы вступления в права владения собственностью. Открывающиеся сейчас обстоятельства борьбы за собственность как в крупных масштабах (например, Березовский-Абрамович), так и в менее значительных (Вороненков и другие собственники), показывают, что борьба за два вождельных ресурса — собственность и власть — сосуществуют рядом, взаимно дополняют друг друга. Новый тандем «власть-частная собственность» является несущей конструкцией, претендующей на доминирование на всех уровнях — в масштабах районов, городов, регионов, страны в целом.

За столь длительный период от начала приватизации, экономическая и структурная эффективность экономики остаются ниже уровня 80-х годов прошлого века. Причины, по которым приватизация государственной собственности не дала ожидаемых результатов, до сих пор анализируются специалистами и основной вывод заключается в том, что были недостаточно подготовлены правовые и институциональные основы приватизации и трансформации отношений собственности⁶. Темпы приватизации были столь

⁴ Бибихин В.В. Проблема собственности // Гуманитарные науки в России. Психология. Философия. М., 1996. 259 с. - С. 39-46.

⁵ Радыгин А. Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России, 1998, № 3, Том VII. С.3-32.

⁶ Обстоятельный анализ правовых и институциональных основ приватизации, их противоречивость и запаздывание по сравнению с практикой содержится в аналитическом докладе Счетной палаты РФ: . Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие). Руководитель рабочей группы — Председатель палаты РФ С.В. Степашин. М., «Олита», 2004.

стремительными, что за ними не поспевала законодательная база. Вновь в России эволюционный способ общественных трансформаций был побежден революционными переменами.

Вопросы о легитимности крупной частной собственности в России вызывают дискуссии уже давно – с начала процессов приватизации крупных предприятий. Сама эта приватизация рассматривается некоторыми юристами как негласный сговор между властью и сформированным ею крупным бизнесом, а не на базе общественного договора, заключаемого в публично-правовом пространстве. Произошедшее слияние власти и собственности предопределило все основные дефекты политико-правового развития страны в последующие годы.

В результате сложилась такая неоэтакратическая система «власть-собственность», в которой предприниматели всех уровней зависят от властных структур. Превращение предпринимательства в деятельность, подконтрольную власти, а не закону, существенно снижает самостоятельность предпринимателей, ограничивает их инвестиционную активность, стимулирует «бегство» капиталов за рубеж, ориентирует на паразитарное использование своих ресурсов. У предпринимателей нет внутреннего ощущения правовой защищенности бизнеса, его безопасности как в прямом смысле слова, так и в смысле его легитимности и невозможности «отнятия по закону», в результате «криминального банкротства», рейдерского захвата, или «удушения» налогами и штрафами. В свою очередь крупные предприниматели оказывают влияние на власть, добиваясь преференций и выгодных условий для развития собственного бизнеса и бюджетного финансирования.

Проведение приватизации и последующее перераспределение собственности не сопровождается рациональной промышленной политикой, способной обеспечить рост экономики. Воздействие государства на развитие ограничивалось единичными точечными мерами без разработанной четкой стратегии, без выработки методики государственно-частного партнерства. Между тем оно способно развивать объекты государственной собственности без их приватизации, если они имеют жизненно важное значение для страны.

Таким образом, многие проблемы стагнации модернизационных процессов в России являются производными от результатов приватизации крупной собственности, прежде всего газо-и-нефтедобывающих компаний.

Модель взаимоотношений власти и крупных предприятий тиражируется на всем российском пространстве и распространяется на частные малые и средние предприятия и все уровни управления, препятствует массовому развитию инициативных проектов, конкурентной среды, в конечном итоге инновационной экономики. Становление рыночного институционального каркаса возможно только при постепенном укреплении формальных правил и норм, изживании неформальных отношений. Вопрос о том, как этого можно достичь, довольно больной и сложный. Его успешное решение, мне кажется, возможно только в том случае, если будет встречное движение снизу – от субъектов хозяйствования, заинтересованных в законности и прозрачности процедур взаимодействия, и сверху – от руководящих институтов, поддерживающих безусловный приоритет формальных правил и процедур законодательно, политически, организационно.

Н.А. Касавина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, ЦИСИ Института философии РАН

Экзистенциальный опыт людей, переживших социокультурные потрясения, как предмет философии и социально-гуманитарных наук.

Дорогие коллеги, мы сегодня представляем наш Атлас социокультурной модернизации регионов России, но делаем это, может быть, не совсем обычно, рассказывая не только о том, что сделано, но и о перспективах дальнейших исследований.

Нами проведена работа, касающаяся большей частью объективных показателей модернизации, представленных статистикой и данными социологических опросов. В

числе перспектив выступает изучение субъективного поля модернизации, жизненного мира людей, их экзистенциального опыта, что дает возможность рассмотреть, что происходит сегодня с человеком в социальной реальности. Объединение качественной и количественной методологии и подходов к исследованию является актуальным трендом в мировой социологии.

В своем небольшом выступлении я обозначу несколько проблемных точек такого изучения. Сама экзистенциальная философия сформировалась, отражая неустойчивость положения человека в мире. И если ранее казалось, что в своих работах Сартр, Камю, Хайдеггер и другие авторы выразили проблемы века, связанные с кризисом традиционной культуры, то сейчас очевидно, что эта неустойчивость стала постоянным явлением. Важнейшими характеристиками современной культуры выступают: текучесть - (З. Бауман), множественность, хаотичность и неопределенность, метафоры «поле» (П. Бурдьё) и «поток» (М. Чиксентмихайи), «сокрушительная сила», «неудержимый мир» (Э. Гидденс).

Представления об изменчивости и неопределённости социокультурной реальности являются достаточно общим местом в области социально-гуманитарного познания. Динамичные социокультурные трансформации конца XX и начала XXI веков, политические потрясения, экономическая нестабильность, культурные, идеологические и духовно-нравственные изменения привели к кризису человеческого существования, когда нарастает растерянность, тревога, страх, ощущение «заброшенности» (М. Хайдеггер). В эпоху расцвета массовой культуры фиксируется усиление «экзистенциального вакуума».

Если от общих мировых тенденций перейти к России, очевидно, и это подтверждают социологические исследования, что человек, живущий на территории постсоветского пространства, остро переживал и до сих пор переживает экзистенциальный кризис. Психологические и социологические исследования фиксируют растерянность, потерю ориентиров, увеличение числа психических депрессий и неврозов, резкое повышение уровня агрессивности, страх перед будущим и пр.

Современное общество, по мнению философа Л. Баяевой, имеет своим качественным отличием от предыдущих эпох **хроническое состояние кризиса**. Жизнь на грани политической, экономической, социокультурной непредсказуемости стала повседневностью, в которой выросло целое поколение.

В чем выражается это состояние? В социологии оно исследуется через призму таких индикаторов, как социально-психологическое самочувствие населения, его удовлетворенностью жизнью, степень тревожности, уровень доверия, т.е. таких показателей, которые операционально раскрывают категорию экзистенциального опыта, и показывают степень устойчивости или неустойчивости личности перед лицом жизненных обстоятельств, уровень адаптивности.

Эмоциональными индикаторами прогрессивного функционирования и развития личности являются субъективные переживания осмысленности и удовлетворенности жизнью. Они свидетельствуют о том, что личность в целом принимает свое жизненное пространство, продуктивно действует и взаимодействует в его поле, эффективно разрешает встречающиеся противоречия. Стойкое снижение удовлетворенности жизнью извещает, как правило, о том, что в развитии личности назрели такие противоречия, которые его существенно осложняют и отягощают.

В своих оценках я буду опираться на данные следующих социологических исследований:

- всероссийский мониторинг «Наши ценности и интересы сегодня» (1990-2015 гг., Н.И. Лапин, Л.А. Беляева);

- результаты межрегиональной исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», действующей по инициативе Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН (с 2005 г.);

- «Российская идентичность в социологическом измерении». Институт социологии РАН, Представительство Фонда им. Ф. Эберта в РФ (М., 2007);

- социологический мониторинг «Как живешь, Россия», Аналитический отдел стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН с 1992 по 2013 г. (ИСПИ РАН, руководитель - Левашов В.К.);

- всероссийское социологическое исследование «Духовная культура современного российского общества», Социологический центр Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Митрошенков О.А.).

Оценка общественных изменений в России с 1992 года, социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью, тревожность населения, уровень доверия - эти и сходные показатели фиксируют осознание россиянами обстановки в стране как кризисной.

В целом, по различным аспектам жизни, для россиян характерно доминирование удовлетворительных оценок по этим пунктам. Главным образом это относится к самооценкам возможности реализовать себя в профессии, уровня личной безопасности, состояния здоровья и т.д. Население беспокоят низкий уровень доходов населения; рост инфляции, цен; распространение наркомании, алкоголизма; личная безопасность.

Тревожное социально-психологическое состояние населения усугубляется также недоверием к власти. Большая часть наших соотечественников считает, что российское государство выражает и защищает интересы богатых и государственной бюрократии (соответственно 54% и 52% в 2005 г.). Только 6-9% видят в их лице выразителей и защитников их интересов⁷.

Составляющие тревожности несколько меняются, но уровень тревожности населения остается высоким. Она имеет выраженные экономические и политические факторы, что ослабляет ощущение устойчивой идентичности, создает ситуацию общей неопределенности в жизни каждого отдельного человека.

И в этом смысле оправданы выводы, которые делаются в Атласе о том, что современная ситуация в России с учетом перспектив ее развития в XXI веке нуждается в осуществлении крупных и долгосрочных преобразований, нацеленных на эволюционное обновление, модернизацию общества и культуры.

На фоне этих констатаций сложности современного коллективного самосознания и положения человека в меняющемся обществе возникает вопрос: что предлагает социально-гуманитарное знание, какие возникают новые исследовательские тренды в ответ на эту общую нестабильность?

Здесь очевидно следующее. Социокультурные трансформации в различные исторические эпохи - это не только кризисная ситуация, но и открытие новых возможностей развития личности. Сегодня актуализируется человек активный, мыслящий, преодолевающий (новым веянием в психологии является уже даже не человек самоактуализирующийся, а возрастающая субъектность личности, человек преодолевающий, использующий скрытые резервы своих возможностей). Такие исследовательские повороты - пример реагирования на социокультурную ситуацию.

И в этом случае, кризисное состояние - не только состояние отчаяния и пессимизма. Это позиция прежде всего осознания проблем, обнаружения и выражения смыслов сложившейся социокультурной ситуации, в которой возрастает роль единичного. В науке происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала - к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов развития субъектности.

Так, представители калифорнийской школы экзистенциальной социологии в качестве одной из центральных проблем исследуют формирование «экзистенциального Я в обществе», выводящее на «проблему активного человека», который способен изменять

⁷ Левашов В.К. Гражданское общество и демократическое государство в России // Социологические исследования, 2006. № 1. С. 6-8.

себя и свое социальное окружение. Концепция экзистенциального Я обращена к уникальному опыту человека, находящегося в контексте современных ему социальных условий – опыту, наиболее явственно отражающемуся в непрерывном ощущении становления и активного участия в социальном изменении⁸.

В этих условиях важной задачей является изучение внутриличностных ресурсов человека, которые он может мобилизовать для адаптации к быстро меняющимся условиям его жизнедеятельности, для преодоления кризисных ситуаций существования путем развития волевых, креативных, коммуникативных, нравственных качеств. Эти ресурсы можно обозначить с помощью понятия «экзистенциальный опыт», выражающего пройденный человеком путь личностного становления, соотнесения своей жизни с универсальными культурными ценностями, разрешения фундаментальных проблем существования.

Экзистенциальный опыт – способ упорядочивания жизненных переживаний на основе смысложизненных ценностей, создание человеком собственной истории, способ преодоления фундаментальных дихотомий существования.

Социальная актуальность исследования экзистенциального опыта связана с возрастанием его роли в современных культурных и познавательных процессах. Мировоззренческие компоненты экзистенциального опыта могут рассматриваться как источник культурного синтеза в эпоху «антропологической катастрофы» и кризиса постмодерна, когда ситуации неопределенности, изменчивости, развития могут находить позитивное разрешение через обращение к смысложизненным, культурным ценностям как горизонту относительной стабильности.

Интерес к феномену экзистенциального опыта носит комплексный междисциплинарный характер и формируется на пересечении исследований философии, литературоведения, психологии, социологии и других наук и отраслей знания. Междисциплинарное обобщение исследований экзистенциального опыта в рамках социально-гуманитарных наук позволяет дополнить понятие социального субъекта и тем самым расширить категориальные рамки социальной онтологии, научно-философской картины социальной реальности. Усиление внимания научных направлений к экзистенциальному опыту как одному из факторов познания и деятельности существенным образом характеризует постнеклассическую рациональность, в рамках которой философские основания науки включают ценностные и целевые установки познающего субъекта.

Социологическому исследованию экзистенциальный опыт доступен в большей степени как рациональное оформление, обобщение переживаний, которое приводит к тем убеждениям, смыслам, ценностям, которыми индивид руководствуется в жизни. Важнейшей проблемой социологии становится понимание социального конструирования смыслов, а также связь этих смыслов с социальными действиями. Чаще это характеризуется как связь ценности и социального поведения.

Возникает закономерный вопрос, какими средствами располагает в проведении таких исследований социология, ведь для изучения экзистенциального опыта человека необходимы особые методы фиксации непосредственных переживаний индивида, воспроизводства той социальной ситуации, в которую включен индивид.

Одно из решений – применение методов качественного исследования, направленных на выявление субъективных аспектов переживания и действия личности в социальной среде⁹. Методы наблюдения, кейс-стади, глубинные интервью, интерпретация личных документов (письма, жизненные истории, семейные фото).

Важно отметить, что речь не идет о постижении всего многообразия мотивации людей с их горизонтами индивидуальных жизненных планов, предпосылками индивидуальных

⁸ См.: Postmodern Existential Sociology / Ed. by J. Kotarba, J. Johnson. Walnut Creek (CA), 2002. P. 7.

⁹ См., например: Готлиб А. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара, 2004.

переживаний в опыте, уникальных ситуаций, которыми мотивы определяются. Имеется в виду выявление **типических форм опыта, типических ситуаций реагирования** на данности существования и реализации человеческого потенциала.

Экзистенциальный опыт выступает как создание личностью истории своей жизни. В этой связи особый интерес вызывает **биографическое исследование**, целью которого является изучение реальных историй жизни, с акцентом на ценностно-смысловые ориентиры, на понимание жизненных ситуаций, в которых они находились, личных и социальных контекстов их протекания, причин и путей преодоления кризисов¹⁰.

Истории жизни, рассказанные от первого лица, не просто отражают внешний мир. Люди воссоздают прошедшие события и действия в личных нарративах, чтобы утверждать идентичность и конструировать жизнь. Человек предстает как комментатор, автор, рассказчик и исследователь, изучающий себя. Важной задачей социологического исследования является рассмотрение способов упорядочивания респондентами собственного опыта, придания смысла событиям и поступкам своей жизни.

Для демонстрации фрагментов экзистенциального опыта человека, переживающего социокультурные потрясения, я обращусь к проведенному мной социологическому исследованию с привлечением биографического (нарративного) метода на основе слабоформализованного интервью «Смыслжизненные переживания и ориентиры человека в современном российском обществе». В исследовании приняли участие респонденты в возрасте от 30 до 90 лет (выполнено по гранту Президента РФ молодым ученым «Экзистенциальный опыт в контексте кризисных ситуаций (возможности междисциплинарного синтеза)», 2011–2013).

Анализ проведенных биографических интервью показывает неразрывность индивидуального, субъективного жизненного пути и социокультурного пространства, в котором он осуществляется. Личность говорит о своей истории, так или иначе, вписывая ее в историю страны. А также были обнаружены межпоколенческие различия историй жизни, восприятия и оценки кризисных ситуаций и форм их преодоления.

Старшее поколение, а именно люди, пережившие войну или родившиеся в военные годы, чье детство пришлось на послевоенную разруху, воспринимает то время как самое тяжелое в своей жизни. Отдельное явление в жизни людей старшего поколения – люди, пережившие репрессию – событие, которое часто приводило к распаду семьи, вызывало чувство несправедливости, обиды, неуверенности в себе. Однако послевоенное время было связано с ожиданиями лучшего, общим душевным подъемом, дальнейшим формированием объединяющих идей строительства коммунизма, которому после победы над фашизмом, казалось, уже нет преград.

Следующим тяжелейшим периодом жизни этого поколения стали 1990-е гг. Люди, родившиеся до войны, в эти годы уже заканчивали трудовую деятельность, выходили на пенсию. Кризис 1990-х гг. спровоцировал переживание и осознание того, что многие и многие их усилия были напрасны, идеология потерпела крах, накопления были потеряны, пенсия и заработная плата в их денежном выражении были обесценены. Люди уже не могли адекватно адаптироваться к новому положению вещей. В качестве экономической платформы, которая помогла пенсионерам выжить в годы кризиса, респонденты указывают на то, что властью не были отняты их жилища (квартиры, дома).

Мировоззренческим ударом для этого поколения стал пересмотр истории Советского Союза, в том числе истории Великой Отечественной войны, когда оказалось, что побежденная страна живет лучше. «Какие же мы победители, если живем хуже?» Разочарование в советской истории, в социализме стало разочарованием в собственной истории их жизни, что усугубило многие переживания, свойственные периоду старости:

¹⁰ Примеры исследований: Судьбы людей России – XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Отв. ред. В. Семенова, В. Фотиева. М., 1996; Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.

ощущения, что «не все удалось успеть из желаемого, а сил уже нет, время уходит». Отрицательные изменения в здоровье на этом неблагоприятном фоне воспринимаются очень болезненно, - это явно прочитывается в опубликованном посмертно дневнике Михаила Ульянова (см.: Неизвестный Михаил Ульянов. Дневники и записные книжки. М., 2012).

Эмоционально-психологический фон кризисных ситуаций, показывающий их экзистенциальную сторону, формулируется респондентами как ощущение потерянности, неустойчивости, неустроенности, страх перед будущим, страх за детей, ощущение собственной уязвимости, иллюзорность надежд.

По оценке Т.В. Евгеньевой, разрушение «картины мира» советского человека при отсутствии адекватной компенсации, лежит в основе формирования кризиса личностной идентичности в современной России.

Анализируя индивидуальные оценки распада Советского союза и системных изменений, следует отдельно сказать о том, что позиция части творческой интеллигенции существенно отличалась. В последнее время активно публикуются различные автобиографические материалы, например, воспоминания Лилианы Лунгиной, Рудольфа Баршая, Майи Плисецкой и др. Эти люди, далекие от политики, еще при Союзе осознавали ложность идеологии, ложность общественных идеалов, ложность попыток собственного соответствия этим идеалам. И 1990-е год для них – переход от самообмана к более реальной оценке событий, которая способствовала новой ориентации личности в своих жизненных стратегиях.

Пожалуй, менее болезненно кризис 1990-х гг. ударил по их детям – людям, родившимся в 1950-е – 1960-е гг. На время 1990-х гг. как раз выпало их личностное, социальное, профессиональное самоопределение. Однако это поколение имело адаптивные ресурсы, оно было достаточно молодо для того, чтобы выбрать новый путь в изменившейся обстановке. Сложность их положения состоит в том, что они оказались на границе разрыва между советским и постсоветским социокультурным пространством. Они получили представления о жизни, свойственные советской культуре, образование и профессию - исходя из советских ценностей, что затруднило их поиск своего места в постсоветской России. На общий экономический и политический кризис наслоился «кризис середины жизни», связанный с сомнениями в правильности избранного жизненного пути, в собственных способностях.

В доперестроечном времени это поколение называет тяжелыми такие года, как конец 1970-х гг. – пик застоя, сопровождавшийся «ощущением тошноты», «затхлости». Другим сложным периодом, упоминаемым в ходе повествования о собственной жизни, явился конец 1980-х гг. Респонденты указывали, что в 1985-1986 гг. они думали об изменении общей ситуации к лучшему. В то время молодое поколение ожидало нового, появилось ощущение свободы, люди стали ездить за рубеж. Осознание ложности этих надежд было тяжелым. Люди стали выходить из партии. Ощущение неустойчивости упрочилось.

Следующее поколение - люди, родившиеся в 1970-80-е гг. Время перестройки не было для них таким болезненным, так как они были еще очень молоды, собственных семей не создали, ответственности за детей еще не несли. Разумеется, они испытали сильную стесненность в средствах, когда учились, многим приходилось одновременно работать и учиться. Но это поколение еще попало в волну бесплатного образования, в том числе высшего, и это послужило фундаментом будущей карьеры. Профессиональное самоопределение после обучения характеризуется как нелегкое, связанное с тем, что формировались рыночные отношения, было сложно найти хорошо оплачиваемую работу в новых экономических и социальных условиях. В то же время уровень притязаний, потребностей людей по сравнению с предыдущими поколениями существенно вырос. Но в целом 2000-е гг. оцениваются ими как относительно благополучные. Респонденты

отмечают появление новых возможностей профессионального роста, новые виды деятельности, возможности заработать.

Отдельно следует отметить характерную для самого молодого из опрошенных поколений склонность к сравнению России с развитыми странами, в основном европейскими. В этом сравнении Россия совсем не выигрывает. Респонденты отмечают ощущение безнадежной отсталости в уровне жизни, торжество коррупции, безответственности, отсутствие порядка, отсутствие надежд на изменение к лучшему в обозримые сроки.

Обращаясь к положительному опыту преодоления кризисных ситуаций, респонденты указывают на разные факторы. Наиболее часто это связано с ключевыми ценностями: семья, близкие люди, работа (творческая деятельность). Согласно результатам всероссийского мониторинга «Ценности и интересы россиян», более 15 лет интегрирующее ядро ценностей, которое консолидирует более 60% населения, составляют две терминальные ценности: семья и порядок¹¹. Получается, что «ощущения беспорядка», неоднократно упоминаемые респондентами в ходе биографического интервью, находятся в противодействии с терминальной ценностью порядка, и это совсем не случайно. Эта ценность отражает нехватку, кризис порядка и ответственности, который имеет место в сознании россиян.

Если говорить об аффективных аспектах восприятия населением своего региона, то можно отметить, что оно остается довольно позитивным. В исследованиях «Социокультурный портрет региона России» жители оценивали свои чувства по отношению к своему региону. Оценки можно обобщить следующим образом: более 50% жителей в целом довольны, что они живут в своем регионе (хотя многое не устраивает). Так, в Вологодской области 29,7% выбрали вариант ответа «Рад, что живу здесь», 45,3% - «В целом доволен, но многое не устраивает», 13,8% - «Не испытываю особых чувств по этому поводу», 0,1% - «Не нравится жить здесь, но привык, не собираюсь уезжать», 3,3% - «Хотел бы уехать в другой регион России», 2,1% - «Хотел бы вообще уехать из России»¹².

Оценка результатов ряда социологических исследований показывает: при выражении своего общего отношения к стране или региону респонденты проявляют больший оптимизм, в то время как при оценке отдельных сфер общественной жизни или удовлетворенности отдельными аспектами жизни пессимистический настрой более выражен. Это может свидетельствовать о том, что человек даже при существующих проблемах (выраженных в сознании как, например, бедность, преступность), настроен на укорененность в пространстве данной территории. Ее положительное восприятие порой даже вопреки реальной политико-экономической обстановке имеет экзистенциальную ценность, наделяя личность ощущением причастности, устойчивости, надежды. Когда же речь идет о конкретных условиях жизни, респонденты склонны к более критической оценке объективных социальных обстоятельств и своего отношения к ним.

По оценке Н.И. Лапина, процессы схождения духовных ориентиров населения России и ее регионов существенно весомее их дифференциации, ценностный мир россиян несмотря на отдельные флуктуации, демонстрирует стабильность вот уже пятнадцать лет. Это обнадеживающий результат.

В условиях экономической незащищенности идентичность и адаптивные способности населения обусловлены в большей степени традиционными культурными, экзистенциальными ценностями. Однако этот ресурс имеет естественные пределы и не может бесконечно подпитываться только энтузиазмом людей, который, в сущности, является их последним рубежом. Культура сегодня столь многогранна и

¹¹ Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования, 2010, №1.

¹² Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений / Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М., 2009. С. 238.

противоречива, что ощущение целостности существования, личная ответственность и реализация достигаются личностью с большим трудом. В этой связи, развитие России в 21 веке трудно представить без влияния культуры на общественное сознание и систему ценностей, с одной стороны, и на эффективное развитие экономики и социальной сферы, с другой.

Н.И. Лапин

Этапы трансформации и интегрированной модернизации России в конце XX – начале XXI вв. (Тезисы)

Глубинные основания системного кризиса и распада СССР

Современная Россия начала формироваться в результате системного кризиса СССР, который обострился в условиях перестройки (с 1985 г., пиком стал путч в августе 1991 г.) и завершился его распадом в конце 1991 г. Имеется обширная литература о факторах этого кризиса и распада. Но нельзя сказать, что достигнута достаточная ясность, или консенсус относительно способов развития и структуры факторов, которые необходимо учитывать, чтобы не наступать на старые грабли и хотя бы с этой стороны обезопасить эволюцию современной России от новых катастроф и революций. Рискну схематически представить свое понимание этих факторов и их структуры.

По результатам теоретических и эмпирических исследований я выделяю две группы факторов кризиса и распада СССР: очевидные, находящиеся на поверхности, и более глубинные, латентные. До сих пор мало осмыслены два глубинных (обобщенных и взаимосвязанных) фактора:

- многомерное отчуждение человека, результатом которого стало самоотчуждение общества от развития (Н.И. Лапин. «Вестник АН СССР», 1990, № 5);

- отсутствие в советском обществе механизмов преодоления кризисов, своего рода интеграторов противоречий, стимулировавших саморазвитие общества, - это позволило охарактеризовать системный кризис советского общества как патологический (сб. «Кризисный социум», ИФ РАН, 1994).

Постсоветские государства унаследовали этот кризис, а Российская Федерация – наиболее полно. Но российское общество обрело две особенности: 1) благодаря радикальным реформам оно стало кризисно-реформируемым; 2) его состояние осложнилось местным сепаратизмом, который стремился выйти из-под юрисдикции России. Сепаратизм влиял на содержание реформ, консервировал и углублял патологический характер социокультурного кризиса. Тем не менее, сохранялись возможности конструктивной эволюции - социокультурной реформации, призванной повысить положение индивида в обществе, или социокультурной трансформации, означающей взаимопроникновение социальных и культурных изменений, роль ценностей как аттракторов этих изменений (Лапин: «Вопросы философии». 1992, 1996; «Пути России», 2000). Можно выделить несколько этапов социокультурной трансформации.

Этапы трансформации России

1-й этап: радикальные изменения «малой кровью» (90-е годы XX в.).

Под лозунгами рыночной экономики и либеральной демократии, были разрушены политическая, экономическая и социальная структуры советского общества. Хаотично возникли новые социоэкономическая и социокультурная (в широком смысле этих терминов) структуры, а также частично обновленная институционально-управленческая структура. При этом радикально усилилось разрушение технико-технологической сферы и организационно-управленческой структуры народного хозяйства. Произошло обнищание большинства населения, дискредитация содержания прежней жизни людей.

Для способа развития возникшего общества стали характерны:

- Элементы механизма саморазвития общества, саморазрешения его кризисов:

- признание и защита равным образом частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности;
- свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности;
- открытость валютно-финансового рынка;
- многоукладная, но неконкурентоспособная сырьевая экономика, ориентированная на вывоз доходов, а не на их инвестирование в развитие;
- новые свободы поведения граждан в экономической, политической, духовной сферах жизни, традиционная адаптация большинства населения к новым условиям;
 - Элементы, противостоящие развитию:
 - чрезмерная, социально несправедливая материальная дифференциация населения;
 - неэффективное государство, которое коррумпированно взаимодействует с бизнесом;
 - активно противодействующие страты властвующей элиты: «новые русские», заинтересованные в вывозе доходов за рубеж; чиновники, использующие коррупционные схемы для присвоения части доходов бизнеса; структуры (банки и др.), спекулирующие на финансовых рынках.
 - Неоднозначную роль играли:
 - негативное отношение большинства населения к новым условиям своей жизни как несправедливым;
 - снизившееся доверие большинства населения к институтам власти, включая Президента (Б.Н.Ельцина).

ВЫВОД: Радикальная трансформация структуры российского общества характеризовалась ее незавершенностью (Т.И. Заславская, В.А. Ядов) и слабостью элементов механизма саморазвития.

2-й этап: стабилизация новых структур общества и спонтанная модернизация регионов (2000-2012 гг.)

Всероссийский мониторинг «Ценности и интересы населения России» (2002, 2006, 2010 гг.) показал, что в первые 10 лет нового столетия вместо продолжения и завершения трансформации, утверждения конкурентоспособности экономики, демократизации и возвышения гражданского общества была осуществлена стабилизация возникших, социально несправедливых структур и функций. Российское общество утратило качество реформируемого. При этом сохранялась значительная возможность продолжения трансформации путем модернизации возникшего общества. В 2008 г., Д.А. Медведев провозгласил стратегию модернизации, однако вскоре этот акцент заглох из-за противодействия административно-финансовых олигархических страт. Тем не менее, под действием возникших механизмов саморазвития, хотя и ослабленных названным противодействием, был успешно преодолен кризис 2008 г. и в целом спонтанно, хотя и при точечном регулировании государством, продолжилась модернизация новых структур общества на нижних его уровнях - в регионах: фрагментарная, регионально очень неравномерная, во многих регионах заторможенная и в человеческих измерениях неэффективная.

Результаты кратко можно представить так:

- В структуре российского общества преобладают негативные характеристики: неразвитость гражданского общества; несправедливая, чрезмерная материальная дифференциация; подчиненно-безучастное положение человека; изоляция от развитых стран и низкая конкурентоспособность в мире.
- Способы изменения общества характеризуются нарастанием дисбаланса в соотношении элементов саморазвития и элементов закрепления возникшей структуры, все заметнее становится тенденция реставрации предпосылок патологического кризиса.
- Имеются элементы механизма саморазвития общества и саморазрешения кризисов:

- многоукладная, но неконкурентоспособная сырьевая экономика, ориентированная на вывоз доходов, а не на их инвестирование в развитие;
- созданы немногие институты развития (венчурная корпорация, фонды, технопарки и др.), они почти полностью контролируются государством и мало эффективны;
- приоткрылись новые свободы поведения граждан (средний класс и смежные страты) в экономической, политической, духовной сферах жизни, большинство населения постепенно адаптировалось к новым условиям.

- Влиянию этих элементов противодействуют:

- (а) асоциальные институциональные правила:

- бесконтрольная открытость валютно-финансового рынка;
- высокие банковские кредиты на инвестиции в бизнес;
- заниженные налоги на доходы богатых и сверхбогатых физических лиц;
- чрезмерная, социально несправедливая материальная дифференциация;
- коррумпированное взаимодействие государственных служащих с бизнесом, использование административного ресурса в корыстных интересах;
- отчуждение чиновников от объектов регулирования, их безответственность перед населением;
- избыточная численность госслужащих, завышенные темпы их роста.

- (б) асоциальные страты:

- компрадорская финансовая группы;
- оффшорная олигархия;
- высшие чиновники и топ-менеджеры государственных и иных корпораций, следующие рекомендациям вашингтонских наставников.

Вывод: сохранение незавершенности трансформации.

3-й, современный этап (с 2013 г.): торможение модернизации, реставрация предпосылок патологического кризиса

С 2013 г. постсоветская Россия вступила в новейший, третий этап своей социокультурной эволюции - этап реставрации элементов общего кризиса советско-российского общества в условиях сохраняющейся недостаточности механизмов саморазвития; сохраняется, частично обостряется функциональная незавершенность трансформации, ее неэффективность по отношению к человеку (индивидам), обществу, цивилизации.

- В мире происходит новое обострение конкуренции между группами стран, представляющих разные мирохозяйственные уклады (США с союзниками против России и других стран БРИКС) за сохранение или устранение одностороннего доминирования в мире, - условиях растущей глобализации и утверждения новых технологических укладов (С.Глазьев).

- Появились симптомы *социогуманитарной рецессии*: в течение 10 лет воспроизводятся, а не решаются актуальные проблемы - недостаток квалифицированных рабочих мест и т.д. Знаковым стал регресс в обеспечении права граждан на равенство перед законом, как и других наиболее значимых прав. Снизился коэффициент самостоятельности граждан при решении проблем своей жизнедеятельности. Ярким свидетельством снижения демократических качеств государства стала последняя спецоперация, блокировавшая выборы Президента РАН.

- Все туже затягиваются проблемные узлы управления региональным развитием. Возник новый проблемный узел - электронное самоотчуждение чиновников всех органов от реального управления объектами. Управление все чаще сводится к электронной канцелярии (циркулирование форм-отчетов между компьютерами «сверху вниз и обратно»). В эту электронную канцелярию уже включены сотрудники научных организаций, подведомственных ФАНО.

- Имеются и другие, не менее важные проблемные узлы. Некоторые из них унаследованы со времен золотоордынских ярлыков на княжение и от княжеско-боярских традиций «кормления» генерал-губернаторов и иных губернских «кормленцев» (В.О. Ключевский). Но это отдельный круг проблем для анализа.

Альтернатива

Поэтапная интегрированная модернизация – способ эволюционного продолжения и успешного завершения трансформации (к 2020 г.)

Главные компоненты модернизации. Для эмпирического изучения процессов модернизации авторы «Атласа» использовали методику коллег из Центра исследований модернизации АН Китая, которую этот Центр ежегодно применяет в мониторинге процессов модернизации 130 стран (97% населения Земли). Методика включает три группы показателей: социальные, экономические, когнитивные. Мы дополнили их и адаптировали инструментарий к российским условиям, насколько это позволяла российская статистика. Кроме того, при подготовке «Атласа» мы старались учитывать *четыре главные компоненты* модернизации: технико-технологическую (состояние технологических укладов), социоэкономическую, социокультурную, институционально-регулятивную. Использовали концепцию смены технологических укладов, которые во многом определяют материальное содержание и темпы модернизации (С.Ю. Глазьев). К сожалению, недостает статистических данных о состоянии технико-технологической и институционально-регулятивной компонент в субъектах Российской Федерации. Поэтому в «Атласе» мы сосредоточили внимание на социоэкономической и социокультурной компонентах модернизации.

Вместе с коллегами из регионов мы преобразовали статистические данные в индексы модернизации для каждого субъекта Российской Федерации. На их основе мы разработали *модель типологии регионов* по комплексным состояниям их модернизированности, которые учитывают не только уровни, но и фазы процессов модернизации. Были выявлены 6 таких состояний, а каждый регион идентифицирован с одним из состояний. 83 региона оказались дифференцированы на три группы (по 2 смежных состояния в каждой группе). По мере развития модернизации, регионы перемещаются из менее модернизированных групп в более модернизированные. По данным 2012 г., процесс их перемещения можно представить как этапы-волны интегрированной модернизации – от низких ее состояний к средним, затем к высоким.

Этапы-волны интегрированной модернизации регионов

Этап-волна 1. Низко модернизированные регионы

Это 29 регионов: многие республики, преимущественно Северо-Кавказского ФО, а также края и области, преимущественно Центрального и Сибирского ФО. В них живут более 28 млн. человек (около 20% населения России). Это две группы регионов, которые находятся в смежных состояниях (типах) модернизированности. Группа регионов самого низкого состояния (начальная фаза индустриальной модернизации) включает 5 республик (3 из С-КФО – Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия-Алания; по одной из Южного и Сибирского ФО – Калмыкия и Алтай) и единственную в РФ область (Тамбовская, ЦФО). В этих 6 регионах живут 3,6 млн. человек. Особая острота проблемы состоит в том, что эти регионы уже 15 лет *застыли* в самом низком состоянии модернизированности. Для многих из них характерны самые низкие в РФ среднедушевые доходы и столь же низкая доступность жилья (как и в Москве, рыночная цена 1 кв.м. жилья в 3 раза больше годового душевого дохода); теперь к ним добавились Крым и Севастополь. В группу регионов *умеренно низкого состояния* (фаза роста индустриальной модернизации) входят 23 региона, преимущественно из Центрального, Северо-Кавказского, Приволжского, Сибирского, Дальневосточного ФО; Среди них 9 республик, которые, как правило, являются экономически депрессивными. В них живут 24,5 млн.

человек. Часть этих регионов, с запозданием по сравнению с другими регионами, но вышли из самого низкого состояния, в котором они находились в 2000 г.

Этап-волна 2. Средне модернизированные регионы

Это 40 регионов: преимущественно из Центрального, Северо-Западного, Южного и Приволжского федеральных округов. В них живут 69,5 млн. человек, 48,5% населения России. Они включают две смежные группы регионов: 29 - в зрелой фазе индустриализации, но не вошли в следующую фазу, переходную к информационной стадии модернизации; еще 11 средне развитых регионов находятся в более высокой, подготовительной фазе информационной стадии. Среди них нет регионов Южного, Северо-Кавказского, Приволжского округов.

Этап-волна 3. Высоко модернизированные регионы

Это 14 регионов, в которых живут 45,7 млн. чел., около 32% населения России. Из них 8 регионов находятся в фазе роста информационной стадии, а другие 6 регионов достигли высоких, по мировым меркам, состояний модернизованности (2 столицы и 4 области). Они образуют положительный полюс, а другой, отрицательный полюс образуют тоже 6 регионов: 5 республик и 1 область, которые находятся в самом низком состоянии модернизованности, в устойчивой депрессивности. 14 ее регионов и Россия в целом, благодаря росту доходов от продажи сырья, вошли в подготовительную фазу информационной стадии модернизации, но при этом 69 регионов нуждались в новой индустриализации.

Поэтапная стратегия саморазвития регионов. Мы исходим из того, что администрация каждого региона должна учитывать информацию о состояниях, проблемах и достижениях модернизованности других регионов – смежных и дальних, чтобы использовать их достижения для модернизации своих регионов и их эволюции в более высокое состояние. Таким образом, мы предлагаем поэтапную стратегию саморазвития регионов – *как стратегию их интегрированной модернизации*. В последние годы экономисты и другие специалисты РАН конструктивно разрабатывают конкретные аспекты стратегии саморазвития регионов (см. Отчет Отделения общественных наук РАН о научной и научно-организационной деятельности научных учреждений за 2016 год). Федеральные органы должны стимулировать и мягко, но системно регулировать это саморазвитие.

• В регионах противодействуют модернизации такие факторы:

- Проблемные узлы управления региональным развитием не развязываются, а становятся более тугими.
- в 2005-2015 гг. федеральные органы власти возложили на регионы более 630 своих полномочий, не обеспечив адекватного их финансирования. К 2015 г. распределение расходов преобразовалось в доминирование федеральных расходов: они выросли до 19%, а расходы регионов стали менее 12%.
- бюджет 76 регионов стал дефицитным, к 2012 г. их дефицит вырос с 3,5% до 5% объема доходов. За 10 лет долги регионов выросли в 6 раз, темпы их роста превышали темпы роста экономики регионов. Среди региональных долгов доля ценных бумаг и банковских кредитов под высокие проценты превысила 50%, растут и расходы на их обслуживание.
- высоко профицитными остаются только 4 региона: 2 нефтегазовых (ХМАО, ЯНАО) и две столицы (Москва, СПб), от них поступают в федеральный бюджет более 50% всех налоговых доходов регионов.
- Для покрытия дефицита Правительство РФ практикует безвозмездные поступления (субсидии) в доходы региональных бюджетов из различных частей бюджетной системы РФ. В последние годы такие поступления составляли около 1/6 доходов регионов. Наиболее высокой (более 50% доходов) была их доля в депрессивных республиках.
- большинство субсидий распределяются регионам подзаконными актами Правительства РФ; многие из субсидий поступают в конце года и не могут быть использованы, это усложняет бюджетный процесс, не обеспечивает его прозрачность.

- разросшаяся система *территориальных органов* федеральных органов исполнительной власти: в 2011-2015 гг. число госслужащих этой системы увеличилось с 452 тыс. до 505 тыс., а число служащих в госорганах субъектов РФ уменьшилось с 220 до 207 тыс., т.е. теперь на каждого служащего в госорганах субъектов приходится 2,5 служащих федеральных органов, которые находятся на территории субъектов РФ и осуществляют исполнительно-распорядительные и контрольно-надзорные функции.

- происходит дробление и дублирование функций федеральных и региональных органов власти, что снижает их эффективность.

• Неоднозначную роль играют:

- оценка большинством населения новых условий своей жизни как несправедливых;

- низкое доверие большинства населения к институтам власти, кроме Президента России;

- низкий уровень доверия чиновников населению и населения – чиновникам; низкий уровень взаимопонимания между ними.

Подготовка высшими органами власти системы мер по совершенствованию государственной региональной политики

- 22 сентября 2016 г. Совет Федерации РФ представил на заседании Совета Безопасности РФ Доклад «Об основных направлениях государственной региональной политики».

- В конце 2016 г. создана первая версия концепции Стратегии пространственного развития РФ, решение о ее разработке было принято Правительством РФ 20.08.2015, № 870. В настоящее время концепция рассматривается в Правительстве.

- 16 января 2017 г., Президент РФ подписал Указ (№ 13) Об утверждении «Основ государственной политики регионального развития РФ на период до 2025 года».

- 14 марта 2017 г. научно-экспертный совет Совета Федерации РФ рассмотрел Отчет «О состоянии и основных направлениях совершенствования российского законодательства в сфере государственной региональной политики в Российской Федерации». Это скорее научный, чем аппаратный текст. Он содержит совокупность конструктивных предложений. Среди них основное – необходимость утвердить «стандарт благополучия» как новый механизм реализации государственной региональной политики. В обсуждении приняли участие ученые РАН.

Эта совокупность материалов высших органов законодательной и исполнительной власти имеется на их сайтах и свидетельствует о системно неудовлетворительной эволюции большинства регионов и о необходимости решительных действий, направленных на улучшение положения регионов.

Материалы «Атласа модернизации России и ее регионов» полностью соответствуют такой оценке. Учитывая результаты наших исследований процессов модернизации во втором и третьем этапах эволюции постсоветской России (2000-2012 и 2012-2015 гг.), мы считаем целесообразным срочно принять законодательные меры по укреплению механизмов саморазвития российского общества, которые помогут преодолеть кризис и стать началом четвертого, конструктивного этапа эволюции.

Сценарии возможных изменений (2018-2035):

Умеренно-эволюционный. Утверждение плана мероприятий Совета Федерации. Частичное их осуществление

Оптимистический. Укрепление интеграторов - необходимых механизмов саморазвития; поэтапная интегрированная модернизация регионов, завершение трансформации России. Ключевые меры:

- всенародные референдумы о создании атмосферы эксклюзии коррупционеров в обществе, о социальном государстве и др. Значимой будет сама постановка вопросов о таких референдумах, об изменении конституционного закона о референдуме и т.д.

- стимулирование горизонтальных взаимодействий регионов, их взаимообмена опытом для повышения их состояний модернизованности;

- развитие ресурсно обеспеченного местного самоуправления, повышение его роли в модернизации;
- повышение статуса, стимулирование инновационности таких ячеек гражданского общества как НИИ, университеты, НКО;
- утверждение функций СМИ как субъектов модернизации.
- укрепление Российской Федерации как социального государства;
- принятие федеральных законов, воплощающих принципы и ценности Конституции Российской Федерации:
- О прогрессивном налоге на сверхдоходы физических лиц;
- О деофшоризации экономики и прекращении бесконтрольной утечки капитала (см. предложения С.Ю. Глазьева);
- О многосторонне регулируемой многоукладной экономике в России (государство – реальный бизнес, банки – наемные работники, профсоюзы);

Благодаря осуществлению таких мер к 2035 г. будет завершена трансформация российского общества, соответствующая ожиданиям большинства населения России: развитие гражданского общества; высокий спрос на потенциал человека, повышение его участия в жизни государства, общества; выход страны на конкурентоспособные позиции в мире. Структуры и функции общества будут одобряться большинством населения как социально приемлемые.

Застойно-пессимистический. Сохранение статус-кво, реставрация элементов патологического кризиса общества. «Ресурс терпения» (надежд) населения может оказаться исчерпан и может внезапно смениться нестерпимостью жить в застойно несправедливом обществе. Эволюционные процессы вновь могут быть прерваны, как это уже не раз было в России. Новый ее распад станет реальной угрозой.

Г.И. Герасимов, доктор исторических наук, независимый исследователь

Исторические причины невозможности глубокой модернизации современной России.

Теория модернизации создавалась в Соединенных Штатах как альтернатива расширяющемуся влиянию марксизма в странах третьего мира. В качестве современных в теории модернизации рассматривались западные страны, остальные должны были идти по их пути развития. Модернизация – это процесс осовременивания страны. Есть современные страны и несовременные. Нынешняя Россия относится к несовременным.

Я исхожу из того, что история – открытый проект, создаваемый разумом людей. История – это современность, ставшая прошлым. Кто сегодня создает современность, а значит и творит историю? Последние 300-400 лет это страны Западной цивилизации. Весь остальной мир в качестве реализованной современности видит Запад. В XX веке альтернативой западной современности была советская современность. Еще 30 лет назад СССР был не просто современной страной, но создавал современность альтернативную западной. В конце 1980-х годов советский проект рухнул, и современность стала единой и глобальной. Она стала строиться на унифицированной либеральной основе. Это в свое время чутко уловил Ф. Фукуяма и зафиксировал в знаменитой статье «Конец истории».

Отвергнув советский проект, Россия встала на привычный ей путь догоняющего развития. Этой дорогой мы идем уже три столетия. Взяв за идеал Запад, мы следуем в его фарватере, учась у него, копируя его достижения, культуру, образ жизни. Наше эволюционное развитие состоит из реформ и контрреформ, сменяющих друг друга с завидной периодичностью. В ходе реформирования мы копируем западные достижения, но по различным причинам оказываемся не в состоянии их применить или усвоить в полном объеме. Чаще всего по политическим причинам, подрывающим позиции власти. В результате власть переходит к контрреформам, ликвидируя наиболее опасные из нововведений. Страна в очередной раз останавливается в своем догоняющем беге, и только военные неудачи, либо провалы в экономике, заставляют вновь вернуться на путь

западнических реформ, а иных у нас последние 300 лет не было. Надо помнить, что и сегодня и сто лет назад реформа в России означала только одно – копирование либеральной, западнической современности.

В XX веке в России два раза либеральные идеи побеждали, эволюция превращалась в революцию. Вспомним февраль 1917 и недавнюю перестройку. В обоих случаях реальное внедрение свободы, обеспечивающей все иные западные достижения, приводило к распаду страны, который всегда сопровождался отказом от системообразующих либеральных идей, формирующих современность. Однако если в начале XX века либеральные идеи были заменены коммунистическими, тоже западными, но маргинальными, то в нынешнем столетии мы не имеем вообще никаких идей. От либеральной отказались, а свои «духовные скрепы» оказались не в состоянии сформулировать.

В этих условиях возвращение на многовековой путь западноориентированного реформирования кажется неизбежным, тем более, что сегодня в мире отсутствуют эффективные и внятные альтернативы либерализму. Беда России, однако, заключается в том, что мы не можем принять западные либеральные идеи во всей их полноте. В случае реального внедрения свободы в политические, социальные и экономические отношения, страна неизбежно развалится на десяток деспотий, в которых не будет даже нынешних остатков свободы, демократии и относительного экономического благополучия.

Плохой вывод из сказанного заключается в том, что исторический опыт не дает России шансов на глубокую модернизацию, а значит, идя привычным историческим путем, мы обречены на роль аутсайдеров, где в лучшем случае неглубокие либеральные реформы будут сменяться столь же неглубокими контрреформами, это и будет эволюционное развитие по-русски.

Хороший вывод заключается в том, что история никогда не повторяется, а исторический опыт, на мой взгляд, есть не более чем личное мнение историка, которое он выдает за научное обобщение. Прошлое непосредственно не влияет на настоящее. Оно влияет на него только через сознание людей, и в той мере, в какой они позволяют ему это делать. Наше будущее, которое завтра станет современностью, зависит, прежде всего, от наших интеллектуальных усилий. К сожалению, мы очень мало думаем, и еще меньше думаем самостоятельно. Отказавшись от коммунистической идеи, последние тридцать лет мы посвятили изучению задов западной мысли, но там нам не найти решения российских проблем. Нужен оригинальный интеллектуальный поиск.

Е.А. Когай, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой, Курский государственный университет

Социокультурные основания модернизации российского макрорегиона¹³

На базе научно-исследовательской социологической лабораторией Курского государственного университета (КГУ) с 2006 года в рамках реализации общероссийской научной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемой под эгидой ЦИСИ ИФРАН, ведется непрерывная работа над построением «Социокультурного портрета региона». Важным этапом реализации данного проекта стал социокультурный мониторинг ключевых параметров жизнедеятельности субъекта Российской Федерации (в нашем случае – Курской области) с начала XXI столетия. По сути, это был «мониторинг течения социальной жизни людей» (Гидденс), населяющих данный регион. В период 2006-2014 гг. объектом социологических исследований была Курская область как типичный среднестатистический регион России. Мониторинговая

¹³ Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

стратегия позволила выявить социокультурную динамику региона, предложить инновационные программы их развития.

С 2015 г. коллективом был расширен объект исследования, им стал макрорайон (макрорегион) Центральное Черноземье. При этом рамки этого района превысили традиционное понимание Центрально-Черноземного региона как отдельной экономической зоны, включающей в себя Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Липецкую и Тамбовскую области. Как макрорайон, объединяющий российские субъекты, имеющие сходный природный, социально-экономический и социокультурный облик, Центральное Черноземье наряду с перечисленными областями включает и Орловскую область.

Исследовательский коллектив исходил из того, что Центральное Черноземье (ЦЧ) как макрорайон и включенные в него области находятся перед *вызовом модернизации*, требующим осуществления процессов технического, экономического, социального, культурного, политического развития. Социокультурный потенциал модернизационных преобразований субъектов федерации, входящих в ЦЧ, довольно неоднороден: российские регионы существенно дифференцированы по стадиям и фазам модернизации. При этом, несмотря на ряд отличий между регионами, в рамках Центрального Черноземья как макрорайона наблюдаются схожие процессы. Центром внимания курских исследователей стало выявление состояния и трендов модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья, *уточнение и описание потенциала модернизации по трем ключевым основаниям – реформаторскому, социально-инновационному и адаптационному потенциалам*. Задача состояла в проявлении социокультурных возможностей и препятствий модернизационных преобразований Центрального Черноземья, поиске оснований для преодоления неравномерности региональной модернизации и продвижения в направлении интегрированной модернизации.

Наше исследование показало, что вплоть до 2016 г. все субъекты макрорайона оставались на стадии первичной модернизации (ПМ), их положение фиксировалось на уровне первых нижних трех типов состояний модернизованности. При этом можно выявить две формы проявления динамики первичной модернизации регионов: Воронежская, Белгородская и Курская области демонстрируют небольшой рост, хотя и без явного развития, тогда как Орловская, Липецкая и Тамбовская области с начала столетия сохраняют свои позиции, т.е. переживают длительную стагнацию состояний модернизованности в начальных фазах ПМ. Для этой группы регионов существует риск длительной задержки в рамках первичной модернизации, связанный с недостатком финансовых ресурсов, низкой эффективностью развития экономического сектора, снижением численности трудовых ресурсов, низким уровнем жизни населения, непрозрачностью управления и др.

Реформаторский потенциал, включающий в себя установки и деятельностные проявления региональных элит, в Центральном Черноземье невысок. На это указывают полевые социологические исследования, а также экспертные оценки, проведенные в данных регионах. Одним из следствий этого, как показало полевое исследование, проведенное в мае-июне 2016 г. в Курской области среди жителей региона (N=500), является «недоверие» граждан социальным институтам – СМИ (43,8%), губернатору (40,9%), региональным отделениям партий (38,8%), органам местного (муниципального) управления (37,6%) и региональному парламенту (36,2%).

Социально-инновационный потенциал, включающий в себя потенциал предпринимателей, менеджеров, профессионалов, чиновников, руководителей и представителей НКО, следует охарактеризовать как амбивалентный. С позиции официальных данных администраций регионов идет поддержка предпринимательства, повысилась активность деятельности НКО. Однако полевые социологические исследования свидетельствуют о наличии серьезных препятствий в развитии малого и среднего предпринимательства, а также некоммерческого сектора.

Адаптационный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья понимается как способность и готовность населения к принятию модернизационных изменений. Его измерение позволяет раскрыть особенности социально-экономического положения и социокультурных установок жителей, проявить их адаптивные возможности к модернизационным процессам. Показателями при этом выступают статистические данные, а также субъективные оценки происходящих социокультурных процессов. Социологический опрос 2016 года жителей Курской области (N=500) выразительно проявил социально-экономический и социально-психологический контекст осуществления модернизации в регионе. Следует отметить при этом 1) воспроизводство и некоторое усиление проблем социального неравенства, свидетельствующего об отсутствии позитивных сдвигов в экономическом благополучии населения; 2) осознание опасностей и угроз (опасность незащищенности от бедности – 60,8% опрошенных, опасность произвола чиновников – 52,6%, опасность преступности – 46,4%, экологическая угроза – 42,4%, произвола правоохранительных органов – 39,8%, угроза одиночества и заброшенности – 39,6%); 3) довольно высокий уровень протестных настроений жителей региона (этот протест носит преимущественно латентный характер) – 44,4% (в среднем по России на 2015 г. – 30%). На уровне ценностных ориентаций жители Курской области, как и всего макрорайона Центрального Черноземья в целом, проявляют готовность к включению в виды деятельности, ориентированные на модернизационные процессы. Однако в реальном в социальном поведении населения эти установки и практики зачастую не находят подтверждения.

Дальнейшее развитие нашего проекта видится в выявлении возможностей использования результатов проведенных ранее и проводимых социологических исследований в системе стратегического планирования (в соответствии с ФЗ № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации») субъектов Российской Федерации, входящих в Центральное Черноземье, а также в разработке стратегических ориентиров социокультурного развития макрорегиона в целом.

Наш исследовательский коллектив исходит из того, что в современной геополитической ситуации происходит усиление взаимозависимости регионов, при этом действия каждого из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем. Соответственно в данной ситуации важным приоритетом региональной социальной политики должно стать обеспечение эффективности стратегического управления развитием макрорегиона (в нашем случае – Центрального Черноземья). Оно может быть достигнуто через повышение качества использования социокультурного и экономического пространства, а также через поиск инновационных форм его организации. Тем самым мы выходим на необходимость разработки новых концепций стратегического управления устойчивым развитием макрорегиона.

Долгоруков А.М., кандидат философских наук, руководитель Школы социального дизайна

Проделана поистине плодотворная работа, имеющая за собой глубокие методологические основания и смелый замысел.

Теперь, самое важное, чтобы появились «обильные всходы» на территории, которую и представляет Атлас России, созданный Н.И. Лапиным и его командой.

В этой связи я хочу остановиться на двух проблемах, которые здесь на круглом столе, кратко обозначил Николай Иванович и остановиться на этих проблемах и возможных решениях несколько подробнее.

Среди прочих проблем, были названы две:

- Практическая и методическая проблема, которая может тормозить раскрывающиеся, благодаря Атласу, беспрецедентные в истории современной России возможности для инноваций в регионах и модернизации в целом. Эта проблема – *«отсутствие социальных технологий»*

- Эпистемологическая проблема, как я услышал, социологами на самом деле *не осмысленно «существенное различие между функционированием и саморазвитием»* социальных систем.

Остановимся подробнее на этих двух проблемах.

Первая проблема - *отсутствие социальных технологий.*

Тезис 1. Еще совсем недавно можно было без оговорок согласиться с тем, что технологий нет. Но, именно в ближайшее десятилетие в социологии изменится “все”. Мы остановимся, в данном случае, на социальных технологиях, которые уже “стучатся” в социологию.

Современный мир – это мир реализованных через знания, технологии и, что особенно важно, *социальные технологии* способностей людей. Благодаря новым, открывающимся на ближайшие десятилетия тенденциям развития фундаментальных и прикладных знаний и, что особенно важно подчеркнуть, новой волны социальных технологий, социология становится ключевым звеном ненасильственного развития общества.

В мире наблюдается не просто устойчивый, но неудержимый интерес и в научном дискурсе и в разработках к *социальным технологиям.*

Ведущие социологические центры планеты «на глазах у всех» утрачивают иллюзию того, что политики когда-нибудь станут следовать «научным рекомендациям социологов». Причиной тому не только ригидность власти (хотя это тоже есть). Причина в устаревшей картине мира, исходя из которой социологи пишут «рекомендации».

Считалось, что существует и выполняется «линейная последовательность»:

- социологическое исследование (или диагностика);
- рекомендации;
- использование рекомендаций (внедрение в социальной практике).

Весь XX век в социологии показал - это ложная идея.

Все три сущности (исследование, рекомендации, исполнение) находятся в сложном динамическом «сплетении», проходящем периодически через «точки бифуркации» и не могут без катастрофической потери эффективности отчуждаться от акторов, вовлеченных в процесс социальной инновации.. Исследуя, мы уже изменяем¹⁴, проектируя, мы уже внедряем, поскольку эта деятельность «втягивает других»; внедряя, мы получаем потенциальную возможность подлинной диагностики.

В современной медицине, не «советуют» человеку самому себе пересадить сердце на «основе научных рекомендаций»; там есть фундаментальные разработки, есть технологии, есть практика и, следовательно, хирурги, способные сделать пересадку сердца, а не писать «рекомендации» больному по самолечению.

Социологи поступают «ровно наоборот»: исследуют и пишут «рекомендации к самолечению».

Это неявное признание:

- либо того факта, что результаты социологической науки ничтожны и ими может воспользоваться «профан» - человек с обыденным или маргинальным сознанием (например, политик или управляющий);
- либо того факта, что эпистемологические установки и представления о деятельности у социологов устарели.

Тезис 2. Я полагаю, устарели установки социологов. В качестве «аргумента» можно сделать *псевдо-историческую реконструкцию* деятельности, связанной с социокультурными трансформациями:

¹⁴ Это правдоподобно даже для грубой физической материи (знаменитый “принцип дополнительности” немецкого физика Нильса Бора: мы ничего не знаем о физической материи, не измеряя ее, а измеряя - изменяем эту материю и поэтому не знаем, какой она была до измерений), что же говорить о социальной материи.

Всю основную историю человечество создавало артефакты в основном «методом массового народного творчества». Например, гениальные вещи, такие как *скрипка* и *телега*, создавались несколько столетий (каждая) через эволюционные изменения конструкции многими народными умельцами.

Приблизительно 300 лет назад *все изменилось*. Общество осознало силу техники и не могло уже ждать несколько столетий, пока через народное творчество сложится очередное удобное устройство. Результат - появились фундаментальные исследования, конструкторские и инженерные разработки и (что, очень важно) новые социальные статусы и роли - инженеры и конструкторы. «Самолечение» в технической деятельности завершилось. Сегодня никому не приходит в голову поручать конструирование автомобиля человеку, на том основании, что он умеет водить автомобиль и у него есть «научные рекомендации». Требуются иные компетенции и специальные технологии.

Тезис 3. Из научного дискурса (взять хотя бы Топ-25 журналов из списка SCOPUS и Web of Science), очевидно, в первой половине XXI века с «самолечением» в конструировании социального мира будет закончено, также как это произошло в технической сфере.

И, это самый многообещающий тренд в социологии!

Социальными инновациями будут заниматься специалисты высочайшей квалификации – «*социальные дизайнеры*», которые будут способны понимать сложные социологические теории (и результаты исследований на их основе) и уметь применять социальные технологии в реальных инновационных практиках на микро- мезо- и макро- уровнях.

На основе фундаментальных разработок проведено масштабное исследование и получен результат: «*Атлас модернизации России и ее регионов*».

Но я подозреваю, что все привычным образом «сваливается» к идее провести еще и еще исследования и... «написать рекомендации».

Кому? Полученные результаты (сам атлас и предлагаемые для каждого типа регионов стратегии инноваций) - это «*руководство к действию для тех, кто владеет социальными технологиями*», т.е. *социологов «новой волны*». Таких социологов в стране практически нет.

Моя магистерская программа подготовки *социальных дизайнеров* (социологов, владеющих отечественными и заимствованными социальными технологиями) сделала уже пять выпусков.

Более 80% выпускников этой программы владеют теперь своим бизнесом, остальные заняты инновациями в бизнесе и в государственном управлении. В МГУ эта программа не прижилась и я готов ее развернуть в любом университете региона или Москвы.

Исследования, бесспорно, нужны. Но, только конкретные работы, развернутые в регионах, могут привести к *новым осмысленным исследованиям*. Сейчас, работать некому, ни вузы, ни Российская Академия Наук не осуществляют подготовку социологов с нужными компетенциями¹⁵.

Создан Атлас России, теперь надо, засучив рукава, начать работы «на местности», которую представляет Атлас. Это и есть «открывающаяся возможность».

Вторая проблема - социологами не осмысленно «*существенное различие между функционированием и саморазвитием*» социальных систем.

¹⁵ Чтобы лидировать в данном тренде, достаточно для начала институционально оформить новую профессию Социальный Дизайнер, программа подготовки таких социологов: разработана на основе компетентностной модели; проведены эксперименты; сделано пять выпусков магистров социального дизайна. Здесь применяются новейшие и просто уникальные способы подготовки социологов.. Очень жаль, если мы не продолжим развитие этой программы, это сделают в MIT (*Massachusetts Institute of Technology*). Судя по публикациям и дискуссии в профессиональных сетях, они совсем недавно (позже нас) занялись чем-то похожим, объединив усилия таких дисциплин как социология, менеджмент, инновации, а мы опять упустим приоритет России.

Действительно эти две относительно обособленные деятельности (функционирование и саморазвитие) в социальных системах находятся в диалектическом противоречии. Функционирование «нарушается» преобразованиями, однако без преобразований функционирование затухает и/или деградирует. Развиваться же может лишь то, что еще хоть как-то живет, т.е. функционирует.

Для понимания, построения объяснительных моделей и прогнозирования событий, которые происходят в современном обществе - сложном (эмбивалентном) социуме, состоящем из взаимодействующих, **неизвестным социологам способом, оф-лайн- и он-лайн-общностей** - нужны новые подходы.

Тезис 4. Социологи «не заметили», что общество сегодня представляет собой своеобразный **социетальный катамаран**.

В offline-сообществах (в реальной жизни регионов, поселений, организаций, например) есть близкие отношения, устойчивая социальная иерархия и соответствующие паттерны поведения; наборы ценностей и культурных символов и т.д., все это приобретается преимущественно благодаря *общности территории и социального времени* – *приписанный статус*. Тогда как *достигнутый статус* – это скорее личные достижения, часто связанные с эмансипацией от приписанного статуса.

Но что такое «территория» и «социальное время» в online-сообществах (в социальных и профессиональных сетях Интернет)?

Ответов нет и нет исследований.

Ответы на эти вопросы позволяют определить новые по смыслу понятия: **«приписанный online-статус»; «достигнутый online-статус»; «online-проактивность»; «online-реактивность».**

Тезис 5. Новое сегодня, все чаще, зарождается в виде невидимых для традиционной социологии **семиотических потоков** в социальных сетях Интернет, а потом, неожиданно для социологов и политиков “ломает что-нибудь” из того, что плохо “функционирует”.

Не всегда даже понятно это *экзогенное* или *эндогенное* воздействие на ситуацию.

В предстоящее десятилетие радикально изменится “меню” сбора данных в социологии - уже происходит сдвиг от всех видов опросов к **“наблюдению” динамического гипертекста в социальных и профессиональных сетях.**

Новые методы “всходят” на почве нового сложного дискурсивного гибрида:

- большие данные;
- семиотика;
- операционализация некоторых конструктивистских категорий (Бахтин, Выготский);
- новые подходы к этнометодологическому эксперименту в сетях;
- анализ “цифровых следов” в Интернет.

Возникнут и уже возникают принципиально новые методы переработки данных. Именно “переработки”, а не “сбора”. Социологам предстоит научиться “осмысленно отсекают” данные, которые избыточно производятся нарастающим динамическим гипертекстом в Сетях, а не только “сбирать” данные в традиционном смысле слова.

С позиции семиотики реальный мир может быть представлен в виде сложным образом организованной «семиосферы». (Ю.М. Лотман)

Очевидно, однако, что с возникновением социальных онлайн сетей многие социальные коды не работают и нужны новые исследования, позволяющие создавать объяснительные модели происходящего, а не просто описывать структурные особенности общностей в регионах и пытаться “навязывать им рекомендации”, как оторваться от повседневного функционирования и переключиться на обновление.

Online-пространство, со своего зарождения и до настоящего времени, является “ризоморфным” (Делез) социальным образованием без сложившихся структур (социальных форм); без институционально оформленной иерархии; с сильными и частыми новыми семиотическими потоками; с новой, не известной нам, топологией.

Надо начинать все это новыми методами.

Тезис 6. Появление Интернет (в частности социальных и профессиональных сетей; средств научной навигации; вебсайтов второго поколения и мобильных гаджетов) беспрецедентно изменит в социологии: объяснительные теории социализации; социального капитала; социальных статусов и ролей; изменит представления о социальном времени и пространстве; изменит до неузнаваемости методы сбора данных и многое другое. Чтобы управлять и стимулировать модернизацию в регионах, надо все это изучать и понимать.

Благодаря очень сильной в России и признанной в мире школе семиотики и не совсем здоровой традиции в хакерских атаках (и связанными с этим реальными компетенциями) российская социология могла бы занять ведущее (по меньшей мере, достойное) место в международном разделении труда, “оседлав” этот уже очевидный и еще не занятый ни одной из социологических школ мира тренд.

Центр изучения социо-культурных трансформаций профессора Лапина Н.И. мог бы стать методологической и методической “площадкой” для разработки этой многообещающей перспективы, критически важной для развития инновационной социологии.

М.А.Ласточкина, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда)

Модернизация: от общетеоретического к операциональному ее пониманию

Теория модернизации – систематическое представление фактов, направлений и особенностей модернизационных явлений. В настоящее время существует целая группа различных теорий модернизации с многообразными философскими школами, но вместе с тем нет единой. Эти теории постоянно развиваются и каждая имеет определенные особенности. Они объясняют специфику и принципы мировой модернизации с различных точек зрения. Вообще говоря, формирование теорий модернизации относится к формированию классической теории модернизации. Классическая теория модернизации – самый ранний этап теории модернизации, но вместе с тем он не является единственным. Под модернизацией подразумевался процесс восходящего развития от традиционного общества к более современному. Утверждалось, что традиционность приводит к торможению социального прогресса и всяческое вытеснение традиционных ценностей было главной целью. Развитие стран трактовалось с универсальной точки зрения, то есть происходящее в одном направлении, имеющее одинаковые стадии и закономерности. Национальные особенности имели второстепенное значение¹⁶.

В конце 1960-х годов классическая теория модернизации начала широко критиковаться, при этом критика была не только извне, но также со стороны ученых, занятых исследованием модернизации. Новые теории, которые привлекли внимание, включали теорию зависимого развития, теорию мировых систем и постмодернизм. Таким образом, в 1970-х годах классическая теория модернизации претерпела большие изменения, и часть ее была пересмотрена. На основе эмпирических исследований, ученые пересмотрели некоторые односторонние точки зрения (Black 1976; Harrison 1988; So 1990; Inglehart 1997; Inglehart, Welzel 2005; Martinelli 2005). Например, отделение церкви от государства представляет сложный социальный процесс, но религия существует повсеместно и играет свою немаловажную роль в развитии страны. Модернизация это не линейная процесс с множеством траекторий. Традиционность и современность не абсолютно противоположны, и традиционные ценности могут еще долго существовать и сохранять важное значение. Новая модернизация в Восточной Европе – это переход от плановой модернизации к ориентированной на рынок. Таким образом, эволюция теорий модернизации шла двумя путями: первый – эволюция классической теории модернизации;

¹⁶ Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. – Новосибирск, 2005. – Разд. 2. – С. 233–247.

второй – возникновение и эволюция других теорий модернизации. В целом же классическая теория модернизации – это базис или основа теорий модернизации, возникших позднее.

В 1970-е годы развитые страны и их будущее было центром внимания, появилось много новых направлений включая постмодернизм и постиндустриальное общество. Постмодернизм включал множество научных школ, так в 1990-х годах сформировалась теория постмодернизации. В 1980-х и в начале 1990-х годов, часть ученых (Дж. Губер, У Бек, У. Запф, Э. Тиракян, Азенштадт, Хэ Чуаньци и др.) предложили новые идеи изучения модернизации, включая «новую модернизацию», непрерывную модернизацию, экологическую модернизацию, рефлексивную модернизацию, множественные современности и глобализацию. С появлением экономики знаний и общества знаний, возникла теория вторичной модернизации, которая включает теорию с двумя периодами модернизации (первичной – до 1970 г., и вторичной после 1970-х г.) и теорию интегрированной модернизации (координированное развитие первых двух).

Изучение модернизации – междисциплинарное исследование, в котором могут быть применены различные методы исследования естественных и общественных наук. Например, наблюдение, обзор, моделирование, гипотеза, психоанализ, статистический, количественный, качественный, теоретический, сравнительный, исторический, литературный анализы, анализ сценария и тематическое исследование. В результате обобщения описанного выше модернизационного опыта рассмотрим концепцию первичной и вторичной модернизации Хэ Чуаньци¹⁷. Данная теория позволяет исследовать модернизированность территорий не только на общетеоретическом уровне, но и оценить ее с помощью количественных методов.

Первичная модернизация человеческой цивилизации представляет первичную стадию модернизации, которая является переходом от сельскохозяйственной цивилизации к промышленной, включая переходы от сельскохозяйственной экономики к промышленной, от сельскохозяйственного общества к индустриальному, от сельскохозяйственной политики к промышленной, от сельскохозяйственной культуры к промышленной. Она охватывает приблизительно 210 лет (1763–1970 гг.), страны начинают и завершает ее в различное время. Основными характеристиками первичной модернизации являются: индустриализация, урбанизация, демократизация, бюрократизация, институционализация, рационализация, отделение церкви от государства, механизация, электрификация, автоматизация, стандартизация, профессионализация, маркетизация, централизация, дифференцирование и интеграция, мобилизация, эффективность, снижение доли сельскохозяйственного сектора, осовременивание науки и энергетики, массовая коммуникация, обязательное образование и т.д.; а его отрицательные побочные эффекты включают загрязнение окружающей среды, увеличение неравенства, снижение толерантности и т.д.

Вторичная модернизация человеческой цивилизации представляет вторичную стадию модернизации, которая является переходом от промышленной цивилизации к цивилизации знаний, включая переходы от промышленной экономики к экономике знаний, от индустриального общества к обществу знаний, от промышленной политики к политике знаний, от промышленной культуры к культуре знаний, от материальной культуры к информационной культуре. Она началась с 70-х годов XX в., к 2010 году, около 30 стран вступили во вторичную модернизацию.

Количественная оценка первичной и вторичной модернизации осуществляется с помощью расчета индексов каждой из них. Ежегодно Центром исследования модернизации Академии наук Китая определяются индексы модернизации для 131 страны мира (97% населения). Так, Соединенные Штаты Америки реализовали первичную модернизацию на 100% в 1950 г., Канада – в 1960 г.. К 1970 г. к ним присоединились еще

¹⁷ Хэ Чуаньци (отв. ред.). Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) : пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.

16 стран (Австралия, Дания, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Германия, Норвегия, Япония, Англия, Франция, Бельгия, Австрия, Новая Зеландия, Италия, Чехия). Польша и еще 42 страны завершили первичную модернизацию, Болгария и еще 26 стран практически осуществили первичную модернизацию. Страны, которые завершили или в практически осуществили первичную модернизацию, составили 53% от всех анализируемых стран. В 1960 г. Россия была предварительно развитой страной, стоящей в среднем уровне развивающихся стран, ее индекс первичной модернизации составлял 90%, и занимала она 15 место в мировом рейтинге (находилась между Норвегией и Австрией). Перестроечные 1990-е годы не позволили в короткие сроки завершить первичную модернизацию, а экономический рост развитых стран увеличил разрывы, так что к 2000 г. Россия стала занимать только 52 место (индекс равен 91%). За последующие 10 лет страна постепенно модернизировалась и к 2011 г. смогла достигнуть 100% реализации первичной модернизации. К 2012 г. 47 стран мира полностью реализовали первичную модернизацию

Уже в 1970 г. США вступили во вторичную модернизацию (табл. 1). К 2009 г. Соединенные Штаты и 28 стран достигли высоких индексов вторичной модернизации, так что их можно отнести к модернизационно развитыми странам. Греция, Россия и еще 31 страна были среднеразвитыми странами, Китай и еще 31 страна были предварительно развитыми странами, а Индия и еще 44 страны были слаборазвитыми странами. Лучшими 10 странами в 2012 г. были США, Швеция, Дания, Финляндия, Германия, Япония, Сингапур, Южная Корея и Австралия. В России период с 1960 по 2000 годы характеризовался застойными явлениями в модернизационных процессах. На протяжении последних 12 лет страна занимала 28–30 место в мире.

Таблица 1. **Рейтинг стран по вторичному индексу модернизации 1950-2012 гг.**

Страна	1970	1980	1990	2000	2010	2011	2012
<i>10 стран-лидеров</i>							
США	1	1	2	2	1	1	1
Дания	12	10	8	5	2	2	2
Финляндия	18	15	10	4	4	3	3
Швеция	7	2	3	1	3	4	4
Япония	6	4	6	3	5	5	5
Южная Корея	46	41	26	15	6	7	6
Сингапур	23	32	18	19	9	6	7
Германия	9	16	12	9	7	8	8
Австралия	13	18	15	7	10	9	9
Австрия	22	20	14	16	11	11	10
<i>Страны Евразийского экономического союза</i>							
Россия	–	–	–	29	29	30	28
Казахстан	–	–	–	39	37	38	38
Беларусь	–	–	–	51	56	47	46
Армения	–	–	–	67	54	66	70
Киргизстан	–	–	–	76	79	81	80
...							
Китай	60	66	73	78	59	56	51
Источник: Nation Ranking. Ranking by second modernization index. http://en.modernization.ac.cn							

Очевиден переход ряда стран на более высокий уровень, при разделении индекса вторичной модернизации на 4 группы.

– Из группы «отстающие» в «предварительно-развитые» переместились: Боливия, Гондурас, Никарагуа, Намибия, Сирия, Албания, Иран, Вьетнам, Таджикистан.

– Из группы «предварительно-развитые» в «среднеразвитые» переместились: Бразилия, Венесуэла, Чили, Саудовская Аравия, Болгария, Румыния, Украина, Панама.

– Из группы «среднеразвитые» в «развитые» переместились: Испания, Ирландия, Новая Зеландия.

Снижение индекса вторичной модернизации произошло в ряде африканских и слаборазвитых стран, таких как: Джорджия, Колумбия, Сальвадор, Парагвай, Узбекистан, Ботсвана, Таджикистан, Мьянма, Пакистан, Кения, Мавритания, Йемен, Кот-д'Ивуар, Замбия, Эфиопия, Мозамбик, Малаи, Папуа-Новая Гвинея, Нигер. С 2000 по 2010 гг. сохраняется дифференциация стран по уровням вторичной модернизированности.

Таким образом, на современном этапе развития цивилизации перед среднеразвитыми странами стоит задача развития и завершения индустриализации. Осуществление данного этапа находится в интересах и развитых стран, т.к. успешная модернизированность менее преуспевающих государств будет способствовать снижению мировой дифференциации, международной миграции, национальных конфликтов и упорядочиванию мироустройства. Развитые страны должны продолжать вторичную модернизацию, строить цивилизацию, основанную на знаниях. Развивающиеся страны рано или поздно должны осуществить первичную модернизацию, и наряду с этим реализовывать вторичную. Эти страны, посредством координированного развития этих двух модернизаций, могут догнать высокий мировой уровень и достигнуть уровня вторичной модернизации развитых стран. Это своеобразный новый путь, отличающийся от пути, пройденного развитыми странами и идущий параллельно пути первичной и вторичной модернизации, так называемая интегрированная модернизация (Хэ Чуаньци¹⁸).

Л.А. Булавка-Бузгалина. Доктор философских наук, старший научный сотрудник (нештатно), ЦИСИ, Институт философии РАН

Культура как потенциал модернизации

Современная Россия уже давно включена в социально-политические процессы глобализации, которые, с одной стороны, открывают перед ней новые формы сетевой интернет-цивилизации, а с другой – все сильнее вовлекают ее в свои, неразрешимые для данного типа глобализации противоречия. Рост критического отношения в обществе к результатам социально-экономической политики в сфере производства, образования, науки и глубокий культурный кризис – симптомы достаточно серьезные. Конечно, далеко не всегда политический кризис сопровождается культурным кризисом (пример – расцвет советской культуры в брежневский период), но последний всегда есть свидетельство того, что «Прогнило что-то в Датском королевстве».

Причем острота и характер противоречий современной российской системы таковы, что говорить о перспективах ее модернизации, не затрагивая вопроса перезагрузки уже самой основы, невозможно. Соответственно, возникает вопрос о том, какой тип перезагрузки социально-экономической основы российской системы может обеспечить потенциал эффективного развития производства и гуманистического характера ее культуры?

Но потенциал развития – это, прежде всего, человек, причем человек, создающий такие основы экономической и социальной реальности, которые одновременно являются предпосылкой развития его самого как содержательного средоточия культуры. Только при условии развития человека как культурной, а не только экономико-технологической сущности потенциал системы становится саморазвивающимся.

Понятно, что потенциал общественной системы не может развиваться только на основе культуры – он, конечно же, требует соответствующих экономических и социальных условий и форм. Но и саму культуру как необходимое условие для наращивания потенциала развития одними лишь финансовыми и организационными

¹⁸ *He Chuanqi. Integrated Modernization Theory, 2015. – Режим доступа: <http://en.modernization.ac.cn/document.action?docid=24471>.*

усилиями «сделать» нельзя, ее можно только возвращать. И вот этот принцип возвращения культуры как раз и обеспечивает саморазвитие системы в целом и ее потенциал, без которого невозможно развитие ни экономики, ни производства.

Такое понимание качественного обновления системы диктует и соответствующие условия, одно из которых – становление императива субъектного бытия индивида в социуме и в культуре. Без реализации этого условия (вкуче с другими) невозможно обрести альтернативу рабскому существованию современного индивида в качестве функции капитала, бюрократии, рынка, фетишизма правил, социальных сетей, политического манипулирования. Проявление же запроса на такую альтернативу все заметнее проявляется уже и в общественных настроениях. И этот запрос проговаривается как поиск той онтологической опоры, которая позволила бы человеку, говоря словами А.Блока, «...предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного; верить не в то, "чего нет на свете", а в то, что должно быть».

Глобализация же отчуждения предлагает одну основу решения – жесточайшую конкуренцию, оборачивающуюся в действительности тотальным уничтожением человека, общества, культуры, природы. А если к этому добавить еще и то обстоятельство, что сегодня действительность все сильнее погружается в мир превращенных форм и симулятивных сущностей, то неизбежным результатом всего этого становится превращение проблемы самоотчуждения современного человека в одну из центральных, вставая в один ряд с такими проблемами как войны, терроризм, экологический кризис.

В своей конкретной постановке проблема самоотчуждения встает как вопрос: что необходимо для того, чтобы современный индивид, обреченный на анонимное бытие в социуме и в культуре, стал полноценным субъектом общественных преобразований и культуры? Другими словами, что необходимо для того, чтобы современный индивид из согбенного объекта глобализации отчуждения превратился бы в «выпрямленного человека» (А.В. Луначарский) мира культуры?

И здесь автор берет на себя смелость вполне категорично назвать как минимум две таких предпосылки: во-первых, преодоление отчуждения индивида от своей важнейшей социальной роли субъекта общественных преобразований; во-вторых, преодоление отчуждения индивида от культуры, понимая под этим не только приобщение к культурным ценностям, но и их сотворение.

Да, именно так: не придумывание новых политических технологий и механизмов как очередных костылей института представительной демократии, а формирование основ деятельностной демократии, которая невозможна без становления двух ипостасей человека - как субъекта общественного управления и как субъекта культуры. Без этого творческого и гражданского начала как основы субъектного бытия индивида в культуре, ни о каких перспективах модернизации российской системы говорить не приходится.

Субъектное же бытие индивида сегодня возможно лишь в рамках частного пространства, в любых других индивид низведен до функции: в экономике он существует преимущественно как агент рыночных отношений, в социальной сфере – как «человек правил», в культуре - как анонимный потребитель культурных услуг.

Кроме того, его мировоззрение сегодня покоится, как правило, на признании господствующих отношений в качестве неких абсолютно неизменных трансценденций, определяющих его бытие, но от него никак не зависящих. Причем, набор этих трансценденций может быть самым разнообразным по своему содержанию: идея частной собственности; бог как субстанция всего сущего; рынок как универсальный механизм регулирования всех отношений; государство как социальный patron; «русская идея» как знак особой национальной интеграции; Сталин как символ сильного государства; права человека как теодицея современного либерализма и т.д.

Следует учесть еще одно обстоятельство: современный индивид в значительной степени сегодня отчужден еще и от самого творчества, которое все активнее вытесняется из всех сфер его жизнедеятельности засильем технологий разного рода, постепенно

превращая его в функционера социальных, рыночных, политических институтов. В любом случае принцип субъектного бытия современным сознанием чаще всего воспринимается не иначе, как чуждая абстракция или идеологический знак прошлого тоталитарного нарратива.

Но наиболее важным препятствием на пути становления индивида как субъекта общественных преобразований, без чего невозможно говорить о перспективах модернизации, является то обстоятельство, что культура сегодня оказывается во власти тотального рынка, отношений купли-продажи. Такого прямого рыночного диктата в сфере культуры (причем влияющего не только на ее форму, но и на само содержание), как это наблюдается сегодня, еще не было.

При этом сам рынок сегодня не является неким автономным институтом. Вырастая из глобальной гегемонии капитала и базируясь на информационных технологиях и современных средствах телекоммуникаций, масс-медийной экспансии, он становится некой тотальностью, проникая во все сферы жизни человека и общества. Но идея вещи, тем более как товара, каким бы полезным и эстетичным он ни был, в любом случае не может быть основой человеческой жизни. Пафос потребительства, особенно в мире культуры, способен рождать лишь метафизику опустошения.

Доминирование принципа частного интереса в экономике, рост социального отчуждения и личной зависимости от расширяющейся сети бюрократических институтов власти, жесткий дрейф российской культурной политики в «ситуацию ноль», сужение коридора личной перспективы – все это загоняет индивида (независимо от его имущественного ценза) в формы частного бытия, и чаще всего – реакционно-консервативные.

В связи со всем этим возникает вопрос: на основе какого социального устройства общественной системы возможно тесное и творческое сопряжение индивида с культурой и без чего невозможно развитие процессов модернизации. При этом важно не забывать – эта связь с миром культуры должна быть «заземлена» на материальные интересы индивида, любые другие – в обход его материальных интересов – рискуют рассыпаться при первом изломе социальной реальности.

Решение же этой задачи возможно только на основе обеспечения нового содержания труда и нового качества работника, а это значит – соответствующего высокого уровня образования и расширенного воспроизводства новых талантов и новых идей, как раз и обеспечивающих качество процессов модернизации.

М.Г. Алиев, доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН

Об идее и концепции научно обоснованной стратегии интегрирующей модернизации

Выход Атласа - это логическое продолжение большой работы, которую ведет Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) ИФ РАН в течение многих лет. Издав Атлас, Центр еще больше укрепил свою значимую роль как в изучении общих проблем модернизации, так и особенно фундаментальных вопросов пространственного развития России, ее регионов. ЦИСИ, где работает несколько человек, по объему и значимости проводит работу, сопоставимую с коллективом целого института.

Особо хочу акцентировать внимание участников дискуссии на **идее и концепции научно обоснованной стратегии интегрирующей модернизации**. Было бы желательно организовать широкое обсуждение предложенной концепции и за пределами научного сообщества. Это актуально и в связи с реализацией Указа Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

Считал бы целесообразным дополнить инструментарий оценки состояний и фаз модернизации российских регионов индикатором, характеризующим состояние малого и среднего бизнеса в субъектах. Это сделало бы оценки состояния модернизированности регионов более точным. На наш взгляд, с позиций целенаправленной модернизации регионов страны требуются поправки и в перечень показателей оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, применяемый сегодня в соответствии с Указом Президента РФ от 21 августа 2012 г. N 1199.

Можно сравнить этот перечень с инструментарием для измерения модернизации, разработанным ЦИМ АНК и адаптированным к российским условиям ЦИСИ ИФ РАН. Такое сравнение также подтверждает спонтанный характер модернизации России, ее несбалансированность и фрагментарность, о которых неоднократно говорили сегодня участники дискуссии на Круглом столе. Среди показателей, по которым оценивается деятельность регионов правительством РФ, по существу нет индексов инновационной модернизации. Они не охватывают в полном объеме даже некоторые важнейшие показатели индустриальной стадии модернизации – ВРП на душу населения, состояние дел в обрабатывающих отраслях экономики, машиностроении, ряд социокультурных показателей, более конкретно – показатели, характеризующие уровень и качество жизни населения. Это подтверждает и другой вывод авторов «Атласа» о социокультурной неэффективности российской модернизации, о том, что в последние годы модернизация в нашей стране затормозилась, «осуществляется скорее, как квазимодернизация».

«Атлас модернизации России и ее регионов», многолетние исследования, которые ведет ЦИСИ ИФ РАН, содержат важные идеи и предложения, концепции, которые могли бы быть использованы для научного обоснования отечественной стратегии модернизации. Они являются существенным вкладом в социально-гуманитарную науку. По крайней мере, эти практически значимые для применения социальные концепции, построенные на культуре и традициях России, мотивациях, ценностях россиян заслуживают серьезного отношения властей, оценки возможности их реализации.

Н.И.Лапин. Заключение первого этапа круглого стола и приглашение к продолжению дискуссии

В конце заседания участники круглого стола попросили меня кратко подытожить его работу. Как организатору, мне трудно дать оценку. Но все имели возможность свободно высказать свои мнения, которые были подчас весьма различны.

Это побуждает к дальнейшему, более глубокому осмыслению результатов, представленных в «Атласе», и соображений, высказанных в ходе обсуждения. В особенности важно определить направления дальнейших исследований, используя методологию **социокультурного эволюционизма**, которая вызвала интерес и определенную поддержку участников.

Одним из направлений дальнейших исследований я продолжаю считать **процессы модернизации** на трех основных уровнях: общества, регионов и местных сообществ (муниципальных образований). Поскольку региональный (срединный) уровень представлен в «Атласе», желательно, с одной стороны, спуститься на первичные уровни местных сообществ, к жизненным мирам людей, непосредственно участвующих или не участвующих в процессах модернизации, и, с другой стороны, подняться на верхние этажи социокультурной структуры общества, глубже постичь реальную и возможную роль государства и тех его состояний, в которых эта роль может стать наиболее эффективной для населения России. Такая задача актуализирует недооцениваемую проблему **социального государства** как потенциального **субъекта-интегратора успешной модернизации** России – как общества и цивилизации.

Материалы Круглого стола мы будем готовить к публикации. Вместе с тем, положено лишь начало дискуссии по теоретически и практически важным, во многом

новым проблемам. ЦИСИ предлагает участникам круглого стола и другим заинтересованным специалистам в мае-сентябре с.г. **продолжить обсуждение** проблем социокультурной эволюции современной России, в том числе проблем формирования и укрепления российского государства как социального, в виде **онлайн-дискуссии** на сайте Института философии РАН. Приглашаю направлять тексты по адресу: lapin@iph.ras.ru
Авторы могут делать это неоднократно, реагируя на предыдущие тексты.

Завершить онлайн-дискуссию мы сможем на втором заседании нашего круглого стола, которое запланировано на **12 октября** с.г. На нем было бы желательно более обстоятельно обсудить **проблемы социального государства в России** – его конкретное, эмпирически измеряемое содержание, трансформацию из советского в российское, способы его укрепления и повышения эффективности в развитии процессов модернизации, в повышении качества жизни и безопасности населения.

Материалы заочных участников круглого стола

Г.Ф. Ромашкина, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой, Тюменский государственный университет

Программа исследований возможностей и ограничений новой индустриализации: на примере Тюменского региона¹⁹

1. Проблемы новой индустриализации в России, сопряжённые с ними изменения социокультурных пространств, широко обсуждаются, в том числе на высшем уровне российского государства²⁰. Вывод о том, что задача продолжения и завершения индустриализации является приоритетной □ для большинства стран мира, в том числе для России, сделан в опубликованном коллективном научном труде «Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы»²¹.

Результаты, полученные в данной работе в основном опираются на два методолого-эмпирические блока. Во-первых, это исследования, проводимые на протяжении десяти лет в рамках всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России»²², в том числе и проводимые в Тюменской области²³. Во-вторых, это методология ЦИМ АНК исследования уровней и фаз модернизации в мире. Мы являемся авторами седьмой главы, в которой показано, что в регионах Уральского Федерального округа основным фактором торможения модернизации выступает незавершенность первичной, и слабость знаниевого индекса вторичной модернизации²⁴. Торможение развития знаниевого индекса модернизации и отсталая структура экономики могут быть преодолены только в процессе новой индустриализации.

Перспективным направлением исследований представляется выявление смыслов и

¹⁹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект № 16-03-00500.

²⁰ См. Выступление В.В. Путина на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума 19 июня 2015 года. Стенографический отчет.

России предписана новая индустриализация. Возвращение экономике РФ производительной функции становится сегодня задачей номер один // Материалы всероссийской промышленной конференции "Страна живет, когда работают заводы". 8 июня 2015 г.; и др.; Государственная программа РФ: "Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности" (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 января 2013 г. №91-р)

²¹ Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство "Весь Мир", 2016. С. 17.

²² Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. / Составление и общая редакция: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. – М.: Academia. - 2009. - С. 569-648.

²³ Социокультурная динамика — портрет Тюменской области. / Науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. у-та. - 2015.

²⁴ Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство "Весь Мир", 2016. С. 251.

содержаний институциональных ограничений реиндустриализации, стратегического поведения и механизмов координации интересов в их сопряжённых контекстах. Последнее возможно на основе применения разных, во многом взаимоисключающих подходов: неоклассической экономической теории, неоинституциональной экономики, экономической социологии и «критической» социологии²⁵. Если неолиберальный подход, который связан с неоклассической экономической теорией и идеологией *laissez-faire*, помещает во главу угла интересы и их влияние на поведение индивида и стратегии организации, то критический подход предполагает сугубо детерминистскую установку, когда именно социоэкономическая и институциональная среда, а не интересы, предопределяет выбор²⁶. Операционализировать механизмы этой координации возможно при анализе власти, соглашения и доверия, основанных на трёх типах порядка: «закона», который зиждется на использовании власти; «соглашения», как производного от норм и традиций, применяемых членами определенного сообщества; и «обобщенного доверия», то есть доверия к лично незнакомым людям, либо «социального доверия» (которое может иметь в качестве своего источника рациональный выбор, веру в эффективную работу силовых органов, веру в справедливость). На материалах социокультурного мониторинга в Тюменской области можно как пример представить динамику интересов жителей региона через ответы на вопрос «Как Вы считаете что в первую очередь нужно сделать для улучшения жизни в Вашем регионе?»²⁷. Интересы жителей региона в первую очередь включают требование обеспечения права на охрану здоровья (47% и 49% опрошенных в 2006 и 2016 годах соответственно) и труд (51% и 43% опрошенных в 2006 и 2016 годах соответственно). Все остальные проблемы далеко отстают в своей значимости. Возникает вопрос, который следует исследовать более глубоко, каким образом и насколько справедливо (легитимно) обеспечивается координация интересов жителей региона и власти?

Е.В.Андрианова, кандидат социол. н., доц.

В.А.Давыденко, доктор социол. н., проф.

Г.Ф.Ромашкина, доктор социол. н., проф.

Тюменский государственный университет, Тюмень. gr136@mail.ru

Модернизация и реиндустриализация: к дискуссии о способах реализации²⁸

В настоящее время продолжают дискуссии о выборе структурных приоритетов новой промышленной политики²⁹. В. В. Ивантер и Н.И. Комков, С. Бодрунов, Я. Дубенецкий и многие другие полагают, что новую индустриализацию необходимо начинать с возрождения военно-промышленного комплекса (ВПК), который послужит «мультипликатором» роста. Значительная часть финансовых ресурсов должна быть направлена на развитие инфраструктуры³⁰. Признавая, что рост оборонных производств ВПК может оказаться неэффективным в долгосрочном периоде, альтернативы военной стратегии реиндустриализации не предусматриваются.

²⁵ Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. - М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009; Реиндустриализация экономики России в условиях новых угроз / под ред. С. Д. Валентя. Вып. 2. – М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015.

²⁶ Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / пер. с англ. Н. В. Автономовой; под науч. ред. В. С. Автономова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

²⁷ Социокультурная динамика — портрет Тюменской области. / Науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. у-та. - 2015.

²⁸ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-03-00500.

²⁹ Амосов А. Об экономическом механизме нового индустриального развития // Экономист. 2014. №2. С. 3-12.

³⁰ Ивантер В.В., Комков Н.И. Основные положения концепции инновационной индустриализации России // Проблемы прогнозирования, 2012, №5. С.3-12.

Точка зрения, что в России отправной точкой реиндустриализации должен стать топливно-энергетический комплекс (ТЭК) изложена, например, в работах В. Цветкова и В. Иноземцева³¹. В. Цветков предлагает опираться на отрасли добывающей промышленности ТЭК, отрасли национальной инфраструктуры (транспортной, телекоммуникационной, энергетической)³². Согласно мнению В. Иноземцева, российский ТЭК способен предъявить основной платежеспособный спрос на новые технологии и оборудование, стать “локомотивом” экономики. Суммируя, изложенное авторами выделяют пять типов ограничений второй стратегии. Во-первых, предполагается наличие “промежуточного звена”: конкурентоспособной в мире развитой промышленности, ориентированной на конечный спрос. Во-вторых, отечественная экономика должна предъявлять спрос на инновации, которые бы обогащали Россию. В-третьих, структурная перестройка всегда замедляет темпы экономического роста. В-четвёртых, необходим как минимум 10-15 лет роста и предсказуемых «правил игры». В-пятых, должен сформироваться такой уровень потребления, на которых обычно происходит приход новой технологической волны³³.

Озвученные дискуссии зачастую идут в некотором «идеальном» ключе, ибо экономисты часто предпочитают рассматривать идеальные экономические модели и во многом абстрактные логические построения. Ощущается недостаток исследований, представляющих реальные процессы в регионах России. Важный вклад в дискуссию о стратегиях развития России и ее регионов внес вышедший в 2017 г. «Атлас модернизации России и ее регионов» - коллективный научный труд, посвященный представлению модернизации в России как «комплексного цивилизационного процесса»³⁴. Например, в седьмой главе этой работы нами были рассмотрены основные характеристики модернизации регионов Уральского Федерального округа. Создание такого Атласа позволило продемонстрировать относительную динамику России в мире, и каждого из ее регионов в России. В числе результатов отмечено, что социокультурная компонента модернизации в регионах Уральского Федерального округа идет опережающими темпами по сравнению с социоэкономической и технико-технологической. Последнее приводит к необходимости запуска процесса реиндустриализации. Элиты регионов понимают такую необходимость, практически все региональные стратегические программы содержат соответствующие концепции, но качество их реализации существенно различается.

Нами были рассмотрены особенности исторического развития Тюменской области, достаточно успешного, в социальном плане стабильного региона, с позитивной динамикой экономических показателей³⁵. Модернизация в регионе имеет существенные позитивные импульсы, и наши исследования подтверждают, что даже условиях сжимающейся нефтегазовой ренты возможен переход на новые траектории развития³⁶. Однако, продолжение опоры на распределение нефтегазовой ренты создаст дополнительные риски, и не имеет исторических перспектив. Концепция реиндустриализации в Тюменской области имеет три фундаментальные основания. Первое – это запуск новых крупных для региона предприятий. Второе основание – это управление мультипликативным эффектом от запуска новых производств, встраивание и сопровождение административных властно-

³¹ Иноземцев В. Стратегия развития: Выбор приоритетов // Ведомости от 06 августа 2013. Стратегия развития: Жить за счёт ресурсов // Ведомости от 07 августа 2013.

³² Цветков В. Мы должны свои «недостатки» превращать в достоинства // Российская Федерация сегодня. 2013 г. № 11.

³³ Иноземцев В. Стратегия развития: Выбор приоритетов // Ведомости от 06 августа 2013. Стратегия развития: Жить за счёт ресурсов // Ведомости от 07 августа 2013.

³⁴ Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство “Весь Мир”, 2016. С. 6.

³⁵ Социокультурная динамика — портрет Тюменской области. / Науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. - Тюмень: Изд-во Тюменского гос. у-та. - 2015. С. 25.

³⁶ Атлас модернизации России и её регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Коллективный научный труд. Сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. М.: Издательство “Весь Мир”, 2016. С. 252-254.

ориентированных решений в предпринимательские действия в процессе развития региональных отраслей, производных от роста промышленных производств, строительства, объектов инфраструктуры, развивающегося вокруг промышленных предприятий, роста ритейла, расширение сферы услуг. Третье, создание экономически обоснованного сельского хозяйства, базирующегося на частной инициативе, развитии фермерских хозяйств. Важно отметить отказ от привычки хозяйствующих элит рассматривать сельское хозяйство как преимущественно дотационную отрасль. На примере Тюменской области демонстрируется способность выстраивания конструктивных концепций контроля со стороны властной элиты, что является также историческим и культурным продуктом, который представители государства и их граждане предоставляют как общее общественное благо.